

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР №1

по версии New York Times

КАРЕН УАЙТ

*Колыбельная
звезд*

Зарубежный романтический бестселлер

Карен Уайт

Колыбельная звезд

«ЭКСМО»

2005

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Уайт К.

Колыбельная звезд / К. Уайт — «Эксмо», 2005 — (Зарубежный романтический бестселлер)

ISBN 978-5-04-090974-2

После развода с мужем Джиллиан Парриш уехала из мегаполиса в небольшой городок на побережье Атлантики. Вот только место, которое она рассматривала как убежище от невзгод, преподнесло ей странные сюрпризы. Все началось с того, что в город неожиданно вернулся ее давний знакомый Линк, фигурант дела об исчезновении лучшей подруги Джиллиан, которую так и не нашли. В то же время семилетняя дочь Джиллиан заводит себе воображаемого друга. И все бы ничего, с детьми такое случается, но ее фантазию зовут Лорен, как и пропавшую девушку. Лорен настойчиво передает Линку послания. Но как это возможно?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-090974-2

© Уайт К., 2005
© Эксмо, 2005

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	26
Глава 5	31
Глава 6	39
Глава 7	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Карен Уайт

Колыбельная звезд

Karen White
The Color of Light

© Karen White, 2005

© Гюббенет И., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Глава 1

Джиллиан Парриш стояла во дворе босая, поджимая пальцы от холодной травы, и наводила телескоп. Прильнув к узкому отверстию и преодолев страх перед темным пространством, она сосредоточилась на светящихся точках, образующих созвездие Кентавра, медленно отступила назад, вглядываясь в ночное небо и воображая, что под ногами у нее вместо травы был песок и что она и на самом деле слышит вечный ритм океана, убаюкивающего звезды. Джиллиан вспомнила бессмертного Кентавра, умолявшего богов положить конец его страданиям, и как милосердный Зевс позволил ему умереть, а затем поместил его среди звезд.

Женщина села на траву, сожалея, что ей не выпала такая участь. Повертев на пальце кольца, она пожала плечами. Ее бывшему мужу было бы все равно, а родители просто этого бы не позволили. Им бы причинило неудобство вспоминать ее имя для сообщения в полицию и видеть дочь каждый раз над собой в небесах как постоянное напоминание об их неспособности произвести на свет ребенка, заслуживающего их внимания.

Джиллиан взглянула на крошечный бриллиант обручального кольца, теснившийся рядом с золотым обручем бабушкиного кольца. Да, были и другие способы укрыться, кроме как зависнуть навеки в небесах, но, как ей довелось узнать, каждый из них имел свою цену. Быстрым движением она сорвала с пальца кольцо с бриллиантом и подбросила его высоко в ночное небо. Блеснув раз в свете лампочки на заднем крыльце, оно упало на землю, подобно падающей звезде.

Поднявшись с усилием, Джиллиан вздохнула, мысленно благодаря бабушку, рассказывавшую ей сказки и мифы для смягчения острых углов выпавшей на ее долю жизни. Но они не подготовили девушку к встрече с честолюбивыми официантками в модном кафе и с мужем, так и не получившим взаимной любви, которой он добивался в браке.

Сложив штатив и взяв в руки телескоп, Джиллиан, спотыкаясь в густой траве, направилась к дому, чтобы продолжить укладывание. Женщина остановилась на ступеньках, вглядываясь последний раз в ночное небо Джорджии. Падающая звезда завершила в небе свою короткую жизнь, и внезапно Джиллиан Парриш Райан представила так ясно свою жизнь, как представляет ее уже зрелая женщина. В тридцать два года она смогла наконец перестать верить в сказки со счастливым концом и начать узнавать, что на самом деле живет в темноте у нее под кроватью.

– Джилли?

Держа руку на отяжелевшем животе, Джиллиан повернулась к своей семилетней дочери. Мартовское солнце целовало ее светлые волосы, превращая их в золото. Мать захлопнула дверь «Вольво», прежде чем ответить.

– Что, детка?

– А пасхальный зайчик найдет наш новый дом?

Она совсем забыла зайчиков, шоколадные яйца и нарядные шляпки. В сумрачном пространстве последних трех месяцев после развода она с трудом могла вспомнить о необходимости вымыть голову или просто подняться с постели, не говоря уже о Санта-Клаусе и пасхальном зайчике, маячивших где-то на периферии ее жизни. Подняв руки, женщина потеряла виски в слабой надежде, что это поможет разогнать усиливающуюся головную боль.

– Черт, – пробормотала она.

– Ругаться нельзя. – Грейс выжидающе вскинула к матери головку.

Джиллиан смотрела на нее, словно видела дочь впервые за многие месяцы. Светлые волосы стали слишком длинными. Взгляд скользнул ниже, и она увидела на маленьких ножках красные туфельки, которые, как ей смутно помнилось, она выбросила. Во всяком случае, они

не белые. До Пасхи белых не носят. Джиллиан остановила себя вовремя. Материнские наставления всегда приходили ей на память в самое неподходящее время и неотступно ее преследовали.

Женщина откинула волосы с бледного лобика дочери.

– Прости – ты права. Ругаться нельзя. И пасхальный зайчик тебя найдет, Грейси. Я обещаю.

Грейс вскарабкалась на заднее сиденье.

– А где Спот?

Словно по сигналу кошачье создание в черно-серую полоску протиснулось и устроилось увесистым задом на коленях Грейс. Животное устало на Джиллиан холодными зелеными глазами. Между ними сложилось полное взаимопонимание. «Я терплю тебя в этих тесных пределах, а ты терпишь меня. Здесь нас только трое, и мы должны научиться ладить друг с другом». Джиллиан смотрела, как Грейс обнимала кота, явно считавшего себя собакой, и бросила на него признательный взгляд.

В последний раз, окинув взглядом кирпичный дом в колониальном стиле, бывший краеугольным камнем ее жизни почти десять лет, женщина заметила качалку Рика – единственный предмет мебели, который он пожелал оставить и который не был продан и не увезен на хранение. Джиллиан покачивалась на ветру, как будто помахивая на прощание: это стало последним ударом по нервам. Она поднялась по ступеням, достала изо рта жвачку и прилепила ее к плетеному сиденью, где она должна была растаять на жарком не по сезону мартовском солнце, затем уселась за руль, и ребенок протестующе толкнулся внутри нее. Джиллиан включила мотор и начала самое длинное путешествие в ее жизни.

Переезд между Атлантой и Полиз-Айленд в Южной Каролине не был особенно долгим или тяжелым, и все же руки женщины так плотно сжимали руль всю дорогу, что суставы у нее побелели от напряжения. Она никогда еще не путешествовала одна, никогда не сидела за рулем. Джиллиан всегда была внучка, дочь, а потом жена, и все это избавляло ее от необходимости вести машину и решать, в каком направлении ей ехать. Медленно двигаясь по правой полосе, она обхватила рукой плечо, игнорируя взгляды других водителей, обгонявших ее и оставлявших в облаке пыли.

Грейс напевала, занимаясь раскраской, а потом заснула. Спот прижался к ней, закрыв наконец свои подозрительные глаза. Джиллиан еще раз рискнула заглянуть в зеркало заднего вида и увидела, что рот Грейс приоткрылся в улыбке. Бабушка Парриш говорила, что Джиллиан тоже улыбалась во сне. Так бывает, объясняла она, когда маленькие детки разговаривают с ангелами. Глядя снова на дорогу, Джиллиан ухмыльнулась: если бы ангелы уделили несколько минут своего времени, ей было бы что им порассказать.

Дочка вздохнула, повернула голову и улыбнулась легкой улыбкой спящего ребенка, и Джиллиан заметила ямочку на ее левой щеке. Она ощутила стеснение в горле, вспомнив, почему назвала девочку Грейс¹. С момента появления на свет дочка стала кусочком густой зелени на камнях прожитой ею жизни. Между ними не было ничего общего, они даже не были похожи, но Джиллиан чувствовала, что они единое целое.

Джиллиан отвернулась, вновь охваченная чувством вины. Она была виновата прежде всего в том, что никогда не желала родить, и чуть не засмеялась, когда ребенок толкнулся внутри нее, напоминая о своем существовании. Двое детей. Как это случилось?

Машин стало меньше, когда она свернула на трассу 501, поэтому женщина набралась смелости, протянула руку к радио и включила музыку на местной радиостанции. Густая вуаль пурпурного оттенка облаков укутывала небо, как отцовская рука, прикрывающая головку новорожденного. Джиллиан в течение более чем тридцати лет называла Атланту своим домом,

¹ Игра слов. Имя Грейс (Grase) схоже по звучанию с англ. «grass» (трава).

однако солоноватый воздух болот Южной Каролины всегда приветствовал ее как давно отсутствовавшую любимую дочь.

Наверное, из-за воспоминаний о лете в Южной Каролине среди колыхающихся карликовых пальм она чувствовала себя здесь в большей степени дома, чем в городе, где выросла. Джиллиан разрешали навещать бабушку в доме на Полиз-Айленд каждый год, и эти летние дни по-прежнему жили в памяти как яркие пятна на блеклом горизонте ее детства. Долгие дни, проведенные с бабушкой Парриш, были заполнены добыванием моллюсков и ракушек, а позднее, когда она стала старше, первой влюбленностью и первыми поцелуями. Эти летние дни были для нее прибежищем, и женщина знала, что они с дочкой смогут и теперь им воспользоваться. Даже теперь, когда бабушки давно уже не было в живых, ее близость к этим местам оставалась свежа в сердце, как аромат летней травы.

Джиллиан прищурилась, разглядывая указатели на трассу 17, ведущую к Джорджтауну. Она поехала еще медленнее, обращая внимание на новые площадки для гольфа, магазины пляжной мебели, броские туристические лавочки, задекорированные под акулю пасть. Женщина снова взглянула на карту, лежащую рядом на сиденье, практически ничего на ней не видя. Они уже почти были на месте.

Еще больше потемнело, пурпурные облака уступили место темным тням, когда она свернула с шоссе на узенькую Норт-Козвей-роуд. Последний раз Джиллиан была здесь шестнадцать лет назад, но дорогу она помнила как свои пять пальцев. С болот доносились ночные звуки, наполняя женщину странной смесью опасения и приятного возбуждения, она приглушила радио, чтобы прислушаться к кваканью лягушек.

На заднем сиденье зашевелилась Грейс, села, выпрямившись, вполне проснувшись.

– Джилли, останови машину. Лорен говорит, что нам нужно остановиться.

Джиллиан выпустила из рук руль. Почему она назвала это имя? Из всех имен ее воображаемых подруг, почему именно это?

– Мы уже почти приехали, детка. – Джиллиан с усилием заставила себя говорить мягко. – Я думаю, тебе просто приснился дурной сон. – Она глянула на обочину, где справа наступали болота. Вдали мелькали огни старенькой гостиницы «Пеликан Инн». Огней других машин ни сзади, ни спереди не было видно. – Все в порядке.

Что-то маленькое, быстрое и темное выбежало перед ее машиной. Джиллиан изо всех сил нажала на тормоза. Горящие желтые глаза уставились на нее. Она ожидала отвратительного звука удара тяжелой стали по мягкому телу животного. Женщина инстинктивно резко свернула влево, машина влетела в дорожное ограждение, воздушная подушка безопасности ударила в лицо.

Джиллиан сидела в замершей на месте машине, мигая и пытаясь всмотреться в приборную доску, в то время как что-то теплое и липкое капало ей со лба на колени.

Грейс отстегнулась мягким щелчком, перебралась через спинку сиденья и дотронулась до щеки матери.

– Все в порядке, Джилли. Все будет хорошо.

Джиллиан потянулась к ней, ощупала маленькие хрупкие косточки и с облегчением поняла, что ребенок не пострадал.

Девочка взглянула на нее искоса.

– Ты ведешь машину как женщина.

Что-то капнуло Джиллиан в глаз. Она прикоснулась ко лбу и ощутила влажную липкость крови. Женщина откинулась на сиденье и глубоко вздохнула.

– Спасибо, Грейси, за то, что ты дала мне знать.

На мгновение она закрыла глаза, прислушиваясь к внезапно наступившей тишине. Ребенок снова задвигался в ней, успокаивая своим присутствием, и она выдохнула, впервые осознав, как долго задерживала дыхание.

Рука Грейс продолжала гладить ее щеку.

– Все будет хорошо, Джилли, – настаивала она. – Лорен сказала, что полицейский ехал прямо за нами.

Мать резко повернулась, чтобы взглянуть дочери в лицо. Грейс смотрела на нее ласково, на лице не было и следа озабоченности. И Джиллиан снова подумала: почему опять это имя?

С тех пор как Грейс заговорила, Джиллиан и Рик знали о ее исключительной восприимчивости и воображении. На детском мониторе они слышали, как девочка, засыпая, говорит с воображаемыми друзьями. Педиатр заверил их, что это нормально и с возрастом пройдет. Но это не прошло, и Джиллиан приучилась это игнорировать. До настоящего момента.

Самообладание ей изменило.

– Прекрати, Грейси. Ты слышишь? Я сказала тебе, прекрати. Никому от этого не лучше.

Джиллиан не успела договорить, как тьму прорезали огни приближающейся машины. Спот подскочил на заднем сиденье и приземлился с привычной точностью на колени Грейс.

Джиллиан услышала шуршание гравия под чьими-то ногами. Свет фонарика ослепил ее, и она прикрыла глаза рукой. Полицейский открыл дверцу и заглянул внутрь. Запах лосьона смешивался с запахом горелой резины и соли.

– У вас здесь все в порядке?

Слово прозвучало как двусложное: «зде-есь». В Атланте ее окружало столько северян, что сейчас удивило звучание подлинного южного акцента.

Джиллиан взглянула на стража порядка, и он опустил фонарик пониже, так что теперь свет не ослеплял ее.

– Я так думаю. У меня на голове небольшая царапина от воздушной подушки, но у нас все нормально. – Она слегка повернулась. – Правда, Грейси?

Грейс ответила, поднимая к лицу кота и погружаясь в его мягкую шерсть.

– Я тебе говорила, что подъедет полицейский.

Тон ее был полностью лишен обвинения или бравады.

– По-моему, это был енот. Он выскочил прямо передо мной, и я постаралась избежать столкновения.

Полицейский покачал головой:

– Ну надо же. Я ехал домой, и вдруг мне захотелось вернуться и взглянуть еще раз на дорогу. – Он снова покачал головой: – Бывает же такое. – Он залез в задний карман и, достав аккуратно сложенный носовой платок, вручил его Джиллиан. – Вот, возьмите. Приложите его ко лбу, а я поеду вызову «Скорую помощь». А в следующий раз не беспокойтесь о енотах. – Мужчина подмигнул, и взгляд его упал ей на живот.

Джиллиан отрицательно покачала головой. Она онемела от усталости и ничего больше не желала, лишь бы поскорее оказаться на месте.

– Я знаю, это было глупо с моей стороны – наверно, мои инстинкты возобладали. Но я уверяю вас, что все в порядке и нет никакой необходимости вызывать «Скорую помощь». И мы уже почти на месте. Если бы только вы могли помочь мне сдвинуть машину с дороги и подвезти нас мило-другую. А завтра утром я вызову техпомощь.

Несколько секунд он стоял, глядя на нее и сосредоточенно морщась.

– Куда вы едете?

– Эллерби Роуд, неподалеку от Мертл-авеню.

Он сдвинул брови:

– Вы, наверно, говорите о старом доме Парришей. Вы – новая владелица?

– Да, – сказала она.

Джиллиан схватила кошелек и распахнула дверцу. Полицейский отступил, придерживая ее. В это же самое время и Грейс распахнула свою – все трое вылезли на дорогу.

Взяв дочь за руку, Джиллиан почувствовала, как дрожат ее собственные пальцы. Видимо, происшествие потрясло ее сильнее, чем она желала себе в этом признаться. Грейси стиснула руку матери и прижалась к ней.

Полицейский подтянул брюки на солидное брюшко и смотрел на нее, сдвинув брови.

– Мне нужно написать отчет о происшествии для вашей страховой компании. Почему бы вам не посидеть у меня в машине, пока я этим займусь. А вы пока подумайте, не стоит ли вам поехать в больницу. Я думаю, кому-то нужно осмотреть ваш порез на голове и проверить, все ли в порядке с ребенком.

Положив руку на живот, она ощутила движение малыша под туго натянувшейся кожей и устало покачала головой.

– У нас все в порядке – правда. Нам просто нужно поспать. Будет хорошо проснуться утром на знакомом месте, а не в какой-нибудь больнице.

Он пригляделся к ней, и было видно по глазам, что он узнал ее.

– Ты же маленькая Парриш, верно? Жюли – Джилл – нет, подожди – Джиллиан? Твой облик сразу показался мне знакомым. Думаю, я ловил тебя пару раз на свиданиях.

Он улыбался, как бы ожидая, что она скажет. Джиллиан почувствовала, как кровь бросилась ей в лицо, и подумала, кончится ли когда-нибудь кошмар этой ночи. Она ничего не сказала, и он продолжил:

– Ты, наверное, меня не помнишь, потому что это было давно, а я – начальник полиции Джо Вебер. Я участвовал в расследовании этой неприятной истории пропажи дочери у Миллсов.

Кровь застыла у нее в жилах, дыхание замерло в груди. словно почувствовав это, Грейс еще сильнее сжала руку матери.

Вебер, казалось, ничего не заметил и продолжал:

– Конечно, вы меня не узнаете. Я с тех пор немного изменился. – Он смущенно улыбнулся. – Поменьше волос и побольше животик. – Почесав подбородок, он сказал: – Я бы и имя той девушки должен помнить...

– Лорен, – выговорила она с трудом. – Ее звали Лорен.

– Вот-вот. – Он серьезно на нее посмотрел. – Теперь я припоминаю. Ведь вы дружили, да? Мы так ее и не нашли, бедняжку. И эти два дома долго стояли пустыми, заколоченными, видеть было неприятно, до тех пор пока этот архитектор из Чарльстона не купил оба по дешевке и не решил их обновить. Он только что приступил к дому Миллсов и пока еще только починил крышу. Никто здесь не верит, что ты купила ваш дом так дешево. Большинство этих старых домов стоят в три раза дороже.

Джиллиан старалась сохранять спокойствие движений и голоса. Держа за руку дочь, она подошла к машине, белому джипу со словом «Полиция», красовавшимся на дверце, остановилась, вспоминая симпатичных людей, живших когда-то в доме Миллсов, ставших за короткое время для нее подлинной семьей, и взглянула на Вебера.

– Мне повезло, что старый дом бабушки оказался свободным. – Джиллиан не упомянула овладевшее ею чувство предопределения, когда она узнала, что предложенная ею цена была принята. И чувство тревоги, когда владелец значительно снизил цену, что и позволило ей приобрести дом. Но ее манил успокаивающий шум морского камыша, и высокий дом за дюнами был единственным убежищем ее детства, единственным, к чему ей хотелось вернуться.

Грейс, держа на руках Спота, скользнула на заднее сиденье полицейской машины. Джиллиан последовала за ней. Отдав Веберу права, она откинулась на спинку сиденья, прислушиваясь к звукам радио и песням ночных насекомых, закрыла глаза, надеясь, что полицейский это заметит и перестанет рыться в старых воспоминаниях, которые она предпочла бы похоронить вместе с унижениями, пережитыми в юности, и чувством тяжелой потери.

Перо скребло по бумаге, и Джиллиан почувствовала, что засыпает. Слова Вебера внезапно разбудили ее:

– Твой муж присоединится к тебе?

Голова Грейс покоилась на сгибе ее руки, и Джиллиан испытала облегчение при мысли, что ребенку не придется услышать этот разговор.

– Я разведена.

Она избавила его от отвратительных подробностей того, как легко ее мужу вскружила голову двадцатилетняя женщина, чьим самым выдающимся достоинством был номер лифчика. Джиллиан уверена, что это испытание оказалось бы гораздо легче для ее самолюбия, будь соперница специалистом по ракетам или нейрохирургом.

Перо перестало царапать бумагу, и Вебер повернулся к ней. Лицо мужчины оставалось в тени.

– Мне жаль это слышать, – сказал он. На лице начальника полиции появилось грустное выражение, и от этого ей захотелось плакать. На мгновение Джиллиан закрыла глаза и сглотнула.

– Похоже, у тебя будет много хлопот с двумя малышами.

Она кивнула, не доверяя собственному голосу.

– Здесь много соседей, которые будут рады помочь, включая мою жену. У нас своих восемь детей, и моя Марта любит малышей. Ты ни о чем не беспокойся.

– Спасибо, – выговорила она с трудом, опустив голову и роняя слезы на мягкие волосы дочери. Грейс, все еще прижимавшаяся к матери, шевельнулась во сне со вздохом удовлетворения. Джиллиан вспомнила, как бабушка Парриш рассказывала ей о том, что дети выбирают родителей на небесах с мудростью, которой они лишаются при рождении. Женщина улыбнулась сквозь слезы своему отражению в стекле, думая о том, каким неудачным оказался этот выбор для двух поколений одной и той же семьи.

Вебер переложил необходимые вещи в свой джип и запер ее «Вольво».

– Надеюсь, ты ничего не будешь иметь против, если я оставлю у себя ключ: не думаю, что он тебе сегодня вечером понадобится. Утром я вызову буксир и попрошу Ричи Кобильта осмотреть машину у него в мастерской и поправить воздушную подушку. Если все будет в порядке, Ричи сам ее доставит.

– Не знаю даже, как благодарить вас за помощь.

Вебер включил мотор и махнул рукой:

– Пустяки. Я рад, что оказался там вовремя.

Машина тронулась, скрежеща по гравию. Спот отодвинулся от Грейс и устроился рядом с Джиллиан. Он не спал, а сидел на страже, пока они двигались в свете уличных фонарей по направлению к пропитанным солью волнам.

Даже в сплошной тьме Джиллиан узнала два дома, гнездившиеся за дюнами среди кедров, мирта и морского камыша. Широкие веранды нижних этажей украшали колонны и арки, в то время как их фундамент уходил глубоко в землю. Тени домов с одинаковыми мансардами, крышами и башенками по краям теснились рядом, как две сестры в навеки застывшем пожатии плеч.

Каждому из них было больше полутора лет. Все кирпичи и бревна доставлялись по реке Ваккамо, а потом дома любовно собирались на земле. Несмотря на столетие ураганов и эрозии прибрежной полосы, они стояли твердо, стойко выдерживая порывы ветра. Возможно, их вызывающие очертания, свидетельствующие о дерзкой уверенности, которой Джиллиан не ощущала в себе, и влекли ее сюда. Арки веранды всегда напоминали ей бабушкины объятия. И сейчас, стоя под ними, она могла вспомнить и почти ощутить, как ее любили и берегли.

Усталость не позволила Джиллиан осмотреться на новом и в то же время таком знакомом месте. Она открыла парадную дверь ключом, присланным ей риелтором, и позволила Веберу отнести чемоданы в две верхние комнаты.

– Зажгите, пожалуйста, свет! – крикнула она ему вслед. – Я не люблю темноту.

Мужчина ответил на ее просьбу, включив свет в холле наверху, а затем и в остальных комнатах. Постепенно, как в танцевальной фигуре, медленно дом освещался все ярче и ярче.

Он был полностью меблирован архитектором, который его реставрировал, и, когда Джиллиан осмотрелась, у нее вдруг возникло ощущение, что мебель была на тех же местах, как и когда-то. Она ходила из комнаты в комнату, вдыхая запах новизны, но в то же время узнавая мебель и ее расположение, как будто за последние пятнадцать лет ничего не изменилось.

Женщина с удовольствием отметила свежее постельное белье на кроватях, а в кухне – огромную корзину с кухонными принадлежностями на столе с карточкой Лесси Бьюмонт из агентства недвижимости. Лесли настаивала на том, чтобы заранее приготовить спальни, и Джиллиан не стала спорить. Но приветственную корзину она оценила особенно. Джиллиан решила, что позвонит Лесли завтра утром и поблагодарит агента. Если, конечно, не проспит весь следующий день. Она устала так, что ей было тяжело стоять на ногах и держать глаза открытыми.

В кухне ее нашел Вебер.

– Я вижу, моя Лесси вас неплохо благоустроила.

Джиллиан широко раскрыла глаза, поняв, в чем дело.

– Да, ведь она же урожденная Вебер! Лесси упомянула об этом в нашем первом разговоре по телефону, когда я обратилась в ее офис. Я удивилась, что она меня помнит, так как я бывала здесь только летом и девушка по меньшей мере на четыре года моложе.

– Да, Лесси вроде почетного историка здешних мест. Она знает все про каждого, кто провел на острове больше пяти минут – даже то, чего люди сами о себе не знают.

Вебер подмигнул, дал Джиллиан свои домашний и рабочий телефоны и удалился с теплой дружеской улыбкой и с обещанием, что Марта зайдет к ней утром. Женщина начала готовить Грейс ко сну, стараясь не замечать головную боль, начавшуюся у нее после происшествия.

Грейс, нетвердо держась на ногах, стояла посередине своей комнаты. Ее мягкая игрушка, зайчик Бан-Бан, свисала с руки. Спот беспокойно терся об ее щиколотки. Джиллиан отвела девочку в туалет, стащила с нее платье и накинула через голову ночную рубашку.

Позволив ей не чистить зубы, Джиллиан подвела ребенка к железной кровати, покрытой белым кружевным покрывалом, и откинула одеяло, чтобы дать Грэйс заползти внутрь. Спот плюхнулся на подушку рядом, Джиллиан посмотрела на кота неодобрительно, но не возразила. Одной рукой девочка прижимала к себе зайчика.

– Спот все еще считает себя собакой. Я думаю, мы должны изменить его кличку на Тинкл или еще на что-то более подходящее коту.

Грейс сонно улыбнулась, еще глубже зарываясь в одеяло.

В открытые окна в уголки комнаты, насыщая соленым воздухом подушки, проникал отдаленный шум океана. Джиллиан глубоко вдохнула аромат своей юности и нежно опустила руку на лоб дочери. Грейс не спала, пристально глядя на мать, словно ожидая вопросов, которые та хотела задать.

– Кто такая Лорен, Грейси? – проговорила она шепотом, чуть громче ветерка, развевавшего оконные занавески.

Спот поднял голову, зрачки его сузились.

– Это моя новая подруга. Она хочет нам помочь.

Джиллиан судорожно сглотнула.

– Так, я понимаю. – Она осторожно подбирала слова. – Я хочу, чтобы ты кое-что поняла. Все эти люди существуют только в твоём воображении, ведь так? Они не настоящие, и, если

что-то происходит, это только совпадение, оно все равно бы произошло – как появление полицейского сегодня. И когда ты притворяешься, как будто это не так, ты меня пугаешь.

Нижняя губа Грейс задрожала.

– Я не хочу пугать тебя, Джилли, но они настоящие.

Джиллиан встала и потерла руками усталое лицо. Ее седалищный нерв болезненно вибрировал. Может быть, это совпадение. А может быть, девочке просто надо выспаться. Она вспомнила последний год жизни бабушки, когда та, все больше погружаясь в старческое слабоумие, вызывала каждую ночь полицию, утверждая, что видит на пляже обнаженных людей, занимающихся сексом. Джиллиан в тревоге устала на свою дочь.

– Ты не видишь голых людей или еще что-нибудь?

Девочка смотрела на нее с явным недоумением.

Испытывая неловкость, Джиллиан улыбнулась:

– Хорошо. А теперь я думаю, мы обе очень устали. Утром мы будем лучше себя чувствовать, когда хорошенько выспимся.

Грейс не шевельнулась.

– Лорен говорила мне, что ты не согласишься.

С раздражением, порожденным беспокойством и усталостью, Джиллиан оперлась обеими руками на постель и взглянула в светло-карие глаза Грейс – их единственную общую черту.

– Мы начинаем здесь новую жизнь. Пожалуйста, не приплетай сюда твоих воображаемых друзей. Покончим с этим, чтобы начать новую жизнь. Я не хочу больше слышать о Лорен. Ты меня поняла?

Девочка проглотила слюну и медленно кивнула:

– Хорошо, Джилли.

Джиллиан поцеловала ее в лоб, выключила свет и направилась к двери. Она чувствовала, что дочка наблюдает за ней. Поколебавшись, она оставила дверь чуть-чуть открытой. Лучик света проникал сквозь щель в темную спальню.

Прихрамывая и потирая спину, женщина вышла из комнаты. Ее нераскрытый чемодан лежал на кровати в самой большой спальне, и она повалилась рядом с ним. Как будто независимо от ее воли, пальцы открыли замок и подняли крышку чемодана. Небрежно отбросив в сторону пояс, белье и пару блузок, она извлекла из самого дальнего угла маленькую деревянную коробочку размером с ладонь.

Вещица была вырезана из цельного куска сосны и отполирована до блеска. Джиллиан открыла крышку и заглянула внутрь. В коробочке лежали крошечная деревянная звездочка с неровными концами и записка с краями, осыпавшимися от многократных касаний. Джиллиан не знала, почему она цеплялась за эту реликвию прошлой жизни того периода, о котором не хотела вспоминать. Может быть, потому, что она представляла собой дверь в прошлое, которая так никогда и не закрылась. А может быть, потому, что это было все, что у нее осталось от двух людей, которых она некогда любила со всем пылом юности, а потом навсегда потеряла.

Джиллиан долго держала коробочку в руках, не разворачивая записку. Она приехала на остров не для того, чтобы вернуться в прошлое, но излечиться от настоящего и, возможно, обрести будущее. И все же она видела перед собой сильную руку юноши, вырезавшего эту коробочку и написавшего записку, видела карандаш, зажатый в его длинных пальцах. Она провела пальцами по инициалам на крышке – два «Л», переплетенные между собой.

Джиллиан закрыла эту дверь в свое прошлое – засунула коробочку в дальний угол ящика прикроватной тумбочки, накинула ночную рубашку и залезла в постель, ожидая сна, который убегал от нее, несмотря на усталость. Лампа на тумбочке горела ярко. Предрассветные часы наполнились воспоминаниями об этом доме, о бабушке, о мальчике, с которым она танцевала и впервые в жизни поцеловалась. Женщина лежала без сна, пока рассвет не окрасил в розовые тона белые стены комнаты и не раздались крики чаек.

Глава 2

Шестилетняя Джиллиан раскапывала песок в том месте, где она увидела отверстие, оставленное моллюском. Ее маленькие пальцы захватывали и отбрасывали мокрый песок, пока девочка не обнаружила свою добычу. Она подняла ее вверх, показывая бабушке, и затем бросила в ведерко к остальным.

Бабушка Парриш в широкополой соломенной шляпе и подвернутых до колена штанах стояла рядом. Она подмигнула внучке, и взгляд ее снова обратился к песку и скрывающимся в нем сокровищам. Джиллиан, предвкушая обед, стремилась поскорее наполнить свое ведерко, но вдруг в песке что-то привлекло ее внимание. Это была небольшая песчаная горка рядом с отверстием в виде полумесяца – след когтей рывшегося в песке животного. Заглянув внутрь, девочка увидела кусочки белой скорлупы и следы желтка, обмазавшие края разоренного гнезда.

Тихонько плача, она опустила на колени. Ведерко опрокинулось, и моллюски рассыпались как жертвоприношение. Бабушка подошла и встала на колени рядом с ней.

– Рано еще черепахам откладывать яйца.

Джиллиан кивнула, с невыразимой грустью глядя на разоренное гнездо неродившихся детенышей черепахи.

Бабушка разгладила рукой песчаную горку, как мать, старающаяся облегчить страдание ребенка.

– Похоже на енота. Видишь следы когтей?

Джиллиан всхлипнула, ненавидя енотов всеми фибрами души.

– Зачем ему было нужно погубить их всех? Разве не мог он взять нескольких, а остальным позволить родиться?

Сдвигая широкое поле шляпы, бабушка Парриш улыбнулась.

– Природа не всегда так милостива. – Прищурившись, она смотрела на океан. – По крайней мере, их мама ничего об этом не знает. Она думает, что они в безопасности в уютном гнездышке, устроенном ею. – Она долго смотрела на Джиллиан, прежде чем снова повернуться к гнезду.

– Почему их мама не может оставаться и следить, чтобы им было хорошо, пока они не родятся?

Бабушка пожала плечами:

– Они так устроены. Они вырывают норку, откладывают яйца, а потом тратят много сил и времени, пряча гнездо, чтобы враги не могли до него добраться.

Джиллиан наморщила лоб, рассматривая остатки гнезда.

– У нее это плохо получилось. – Девочка рассматривала разбитые яйца, недоумевая, как мать могла позволить такому случиться.

Бабушка Парриш убрала со лба внучки рассыпавшиеся темно-каштановые волосы.

– Джиллиан, иногда матери не могут сделать больше, как ни стараются. Это все, чего требует от нас Господь. Это все, что Он может ожидать при наших возможностях.

В глубине гнезда что-то привлекло внимание Джиллиан. Она наклонилась вперед, отскребая песок с чего-то белого. Бабушка осторожно отодвинула руку внучки и достала маленькое яичко, похожее на шарик для пинг-понга. Они обе радостно улыбнулись.

С чувством, похожим на облегчение, бабушка сказала:

– Видишь? Иногда мы выживаем в любом случае.

Пожилая женщина осторожно положила яйцо на место, где они его нашли, и засыпала отверстие песком, переложила свою добычу в ведерко Джиллиан, пошла в дюны за сухим песком и рассыпала его поверх гнезда вместе с сухими камышами.

Она подмигнула Джиллиан:

– А иногда мы полагаемся на доброту других, помогающих нам вернуться в свое гнездо.

Бабушка потянула внуку за руку, заставив подняться. Джиллиан почувствовала на своих пальцах успокаивающее прикосновение золотого венчального кольца. Девочка начала собирать своих моллюсков, чтобы снова положить их в ведро.

На них пала высокая тень, и обе они подняли глаза.

Это был Мейсон Вебер, старший сын начальника полиции. Ему было всего девять лет, но ростом он был уже выше бабушки.

– Вы тут не с черепашими гнездами возитесь? Природу надо оставлять в покое.

Бабушка Парриш снова надвинула поля шляпы и бросила на мальчика презрительный взгляд.

– Ты же знаешь, Мейсон, мы только откапываем моллюсков. Надеюсь, в этом нет ничего дурного?

Он снял бейсболку и вытер рукой пот со лба.

– Нет, мэм.

Он взглянул на Джиллиан:

– Приехали твои родители. Я думаю, они ждут тебя, чтобы вернуться в Атланту.

Она вцепилась в руку бабушки, но и бровью не повела.

– У меня нет родителей. Я сирота.

Бабушка Парриш сжала ее руку.

– Спасибо, Мейсон. Мы уже и так собирались уходить.

Бабушка потянула внуку за руку. Джиллиан смотрела на свои голые ноги и на песок, приставший к рукам и коленям. Она знала, что отец унижительно заставит ее раздеться догола во дворе и принять душ, прежде чем ей позволят сесть в машину.

Подойдя к дюнам, Джиллиан обернулась и увидела набежавшую волну, смывающую их следы, как будто их никогда и не было.

У Джиллиан свело ногу, и она проснулась. При взгляде на незнакомый потолок сердце у нее бурно забилося. Она по-прежнему ощущала бабушкин запах талька и мыла и острое чувство утраты. Женщина вытерла слезы, которые могла проливать только во сне, и села в постели.

Стук в парадную дверь заставил ее вздрогнуть. По привычке большим пальцем правой руки она провела по пальцу, на котором она носила кольцо, и обнаружила на бабушкином золотом кольце маленькую вмятинку. С еще затуманенными глазами Джиллиан кое-как поднялась с постели и накинула свитер на ночную рубашку. Ее купальный халат все еще лежал где-то в чемодане. Она поскользнулась на коврике у кровати и чудом удержалась от падения, ухватившись за ручку двери.

Ее седалищный нерв из-за беременности болел, сильнее всегда по утрам, и женщина негромко выругалась, вспомнив, что по глупости оставила в машине мягкую теплую подстилку под ноги.

– Не надо говорить «дерьмо», Джилли.

Грейс стояла на пороге своей комнаты. Солнце, просвечивающее сквозь розовые занавески, заливало ее и комнату мягким, розовым светом. Любимый Бан-Бан болтался на своем длинном ухе.

– Прости, я не знала, что ты уже встала.

– Я знаю. Я старалась не шуметь, чтобы тебя не разбудить. Мне открыть дверь?

– Да, спасибо. У меня бог знает сколько времени займет спуск с этой лестницы.

С бурным энтузиазмом, свойственным только очень молодым, Грейс сбежала с лестницы, отодвинула болт и широко распахнула дверь.

На пороге стояла женщина с большой холщовой сумкой, свисавшей у нее с плеча, и белой кастрюлей в руках. Она была среднего роста с не очень длинными волосами светло-каштанового оттенка, в которых кое-где сквозили серебряные нити. В женщине не было ничего примечательного, кроме ярких рукавиц – прихваток в форме крабов и теплой улыбки. Она перевела взгляд с Грейс на Джиллиан, стоявшую посередине лестницы, а потом обратила внимание на яркий свет, горевший с прошлой ночи.

Кастрюлю она все еще держала в руках.

– Я не знаю, помнишь ли ты меня, но я Марта Вебер. Джо, мой муж, привез вас вчера вечером, и я подумала, что вам не помешает сегодня утром домашний завтрак. – Она указала на коробку, стоявшую у ног. – И Лесси предложила мне взять ее старые тарелки еще из колледжа, пока не придут ваши вещи.

Сделав шаг навстречу старой подруге бабушки, Джиллиан улыбнулась:

– Конечно, я вас помню. Я сообразила еще вчера, когда увидела вашего мужа.

Она сделала еще шаг к Марте, держась за перила для устойчивости.

Марта сказала по-деловому:

– Вы оставайтесь здесь, я отнесу все это в кухню, вернусь и помогу вам спуститься.

Джиллиан слышала, как женщина суежилась в кухне, а затем та быстро появилась, чтобы помочь беременной спуститься по лестнице. Слишком усталая, чтобы возражать, она предоставила Марте командовать: устроить ее и Грейс за кухонным столом, поставить перед ними тарелки с горячим окороком и овсянкой.

Опустив на стол кофейник рядом с тарелкой Джиллиан, Марта уселась с ними, держа кружку с кофе обеими руками.

Джиллиан вытянула ногу, стараясь занять удобное положение, и взглянула через стол на свою гостью.

– Я просто не знаю, как благодарить вас за все. Вы слишком добры.

Марта небрежно отмахнулась.

– Я очень рада помочь. Аннабелл – твоя бабушка – и я были добрыми друзьями, ты знаешь. Это самое меньшее, что я могу сделать для ее внучки и правнучки. – Она улыбнулась Грейс, которая ответила Марте бесхитростной искренней улыбкой.

Джиллиан немного расслабилась, ей было приятно видеть знакомое лицо человека, ничего не знавшего о ее унижениях в недавнем прошлом. Марта поседела и пополнела с тех пор, как Джиллиан видела ее в последний раз, но она была ей так хорошо знакома, что молодой женщине показалось, что вместе с Мартой Вебер в кухне присутствует какая-то часть ее бабушки.

Вошедший Спот подозрительно осмотрел кухню, задержав взгляд на госте. Тихонько мурлыча, он потерся о лодыжки Марты и отошел в угол, наблюдая широко раскрытыми зелеными глазами за ними оттуда.

Грейс взглянула на мать.

– Он голоден, Джилли. Чем его покормить?

– В сумке в моей комнате есть две консервные банки с кошачьей едой. Можешь достать их, если хочешь.

Девочка выскользнула из-за стола, и обе женщины слышали топот по ступенькам.

Марта слегка наклонилась вперед.

– Она не зовет тебя мама. – Она сказала это просто как факт, без тени упрека.

Джиллиан смотрела на пар, поднимавшийся над ее кружкой.

– Я не хотела, чтобы она меня так называла. Я знаю, это странно, но она стала называть меня так, как только начала говорить...

Марта положила свою руку на руку Джиллиан.

– Тебе не нужно ничего мне объяснять. Я знаю, какие были отношения между твоими родителями. Ничего не нужно объяснять. А твоя девочка, – Марта повела головой вверх, – я думаю, для нее это не имеет значения. Она умна не по годам.

На мгновение Джиллиан уставилась на свою гостью.

– Вы и правда так думаете? Однажды цыганка на ярмарке сказала мне то же самое. Тогда я не была уверена, что она хотела сказать. Но теперь я знаю. Иногда не разберешь, кто из нас взрослый, а кто ребенок.

Марта улыбнулась, склонившись над своей кружкой.

– Я думаю, дети посылаются, чтобы сделать нашу жизнь полной. – Она подмигнула. – У меня их восемь, так что я знаю, о чем я говорю.

Глядя в сторону, избегая встретиться глазами с Мартой, Джиллиан сказала:

– Мне кажется, иногда дети попадают не туда, куда нужно, и заканчивают совсем не на том месте.

Марта похлопала ее по руке самым ласковым жестом, каким кто-либо прикасался к Джиллиан за последние три месяца. Женщина почувствовала непреодолимое желание расплакаться и поделиться всеми неприятностями, пережитыми за это время.

– Я даже не сказала моим родителям о разводе, – выпалила она, не в силах сдержаться. – Я не хотела услышать что-нибудь вроде: «Долго же Рик приходил в себя». Что, вероятно, чистая правда, поскольку я знаю, что он долгое время был несчастлив. Но я просто хочу сказать: если ему нужна была более пышная грудь, он мог бы потерпеть еще пару месяцев...

Джиллиан замолчала, униженная своим излиянием. Наверное, психическая неуравновешенность была у них в семье наследственной. Может быть, ей тоже почудятся голые люди у себя на заднем дворе.

– Простите, Марта, это просто гормоны разыгрались во время беременности...

Марта еще раз потянулась через стол и стиснула руку Джиллиан:

– Голубушка, я уже тридцать восемь лет как мать. Я много чего повидала и поняла. Ничто меня уже не может удивить.

К большому облегчению Джиллиан, Грейс бегом спустилась по лестнице с кошачьей едой и миской Спота и засуетилась по кухне, отыскивая консервный нож в корзине, оставленной Лесси Бьюмонт. Девочка уселась, скрестив ноги, в углу и, опершись локтями на колени, стала наблюдать, как Спот ел. Джиллиан хорошо знала эту позу дочери. Она означала как бы ее отсутствие, чтобы другие в комнате не могли заметить, что она прислушивается к каждому слову. Уж не от нее ли Грейс этому научилась, думала Джиллиан.

Марта начала убирать со стола.

– Я рада, что вы вернулись. У меня такое чувство, что вернулась какая-то частица Анна-белл.

Фарфоровая посуда звенела: загружалась посудомойка.

– Пожалуйста, Марта, не нужно. Я сама могу...

– Вздор. Ты прихрамываешь, так что позволь мне помочь. Я люблю позаботиться о других, отчего, по-видимому, и завела восьмерых детей. – Она остановилась с тарелкой в руках, слегка согнув плечи. – Позволь мне помочь тебе. Полагаю, тебе и твоей малышке это понадобится, так что уж согласись, пожалуйста.

Джиллиан не могла спорить с помощницей, согнувшейся над раковиной. Она улыбнулась про себя вспышке памяти: бабушка, стоявшая у этой же самой раковины и дававшая ей стакан с холодным чаем, запрещенным ей матерью. Женщина как бы ощутила холод стакана в своих детских пальцах.

– Спасибо, – сказала она и этим ограничилась.

Марта нашла губку и начала вытирать стол.

– Я полагаю, ты многих здесь узнаешь – остров маленький, и из нас, местных жителей, редко кто отсюда уезжает. Кроме Миллсов, но я думаю, тебе это известно. После, – она сделала небольшую паузу, – после того, как исчезла бедняжка Лорен, они уехали и потеряли связь со здешними.

Джиллиан с трудом поднялась и направилась к кофейнику, чтобы снова наполнить их кружки.

– Так что, вы не знаете, что с ними случилось?

Марта последним решительным хлопком закрыла посудомойку.

– Помнится, я слышала, что пару лет назад они потеряли много денег, неудачно поместив средства, и были вынуждены продать почти все, включая соседний дом. Он так много лет стоял пустой, что я не могла поверить, что кто-нибудь его купит, но он продан сразу. Это было последнее, что я о них слышала.

Она достала из корзины посудное полотенце и начала вытирать капли воды с хромированного крана.

– Я слышала, они держались за этот дом так долго, как только могли, надеясь, что их девочка когда-нибудь вернется. Наверно, в конце концов они просто потеряли надежду.

Джиллиан сильнее стиснула в руке кружку. Лорен. Она уже давно, тщательно, как сквозь сито, просеяла свои воспоминания. Каждое лето до ее шестнадцатилетия просеялось легко, все более позднее осталось в сите.

Марта достала из принесенной коробки маленькую миску и, наполнив ее молоком, поставила перед Грейс и Спотом. Затем погладила Грейс по голове, и девочка вздрогнула, как будто удивившись, что помнят о ее присутствии.

– А этот парень – как его звали? Которого они допрашивали после исчезновения Лорен. Он тоже так и не вернулся, что и к лучшему.

Рука Джиллиан слегка дрожала, когда она ставила кружку на кухонный стол.

– Его звали Линк. – Она ни разу не произнесла это имя вслух за шестнадцать лет, да и теперь ей это было трудно. Но, очутившись снова на острове, в мире, который Джиллиан знала и все же не знала, что-то заставило его имя сорваться у нее с языка.

Марта медленно села.

– Да, мне кажется, ты права. – Ее поблекшие глаза смотрели тепло и вопрошающе, но она больше ничего не сказала. – Я полагаю, вы проделали весь этот путь не для того, чтобы воскрешать прошлое.

Джиллиан отрицательно покачала головой:

– Нет. Я приехала сюда, чтобы начать все заново.

– Это мирное местечко, и я уверена, что соленый воздух обладает исцеляющей силой. –

Марта встала и, забрав обе кружки, поставила их в посудомойку.

Джиллиан отодвинула стул.

– Спасибо, что пришли, Марта. Вы мне очень помогли.

– Я очень рада. Не вставай – я сама найду дорогу. Джо отбуксировал вашу машину в город проверить, все ли в порядке. Если нет никаких проблем, ее доставят обратно. Он просил меня спросить у тебя, нет ли чего в багажнике, что вам могло бы в ближайшее время понадобиться.

Как будто в ответ на этот вопрос, у Джиллиан снова задергался седалищный нерв.

– Вообще-то да. Я забыла свой теплый коврик, но я смогу и без него прожить день...

– Нет, этого не нужно. Я скажу Джо привезти его, когда он придет на ланч. – Марта положила руку на плечи Джиллиан. – Ты знаешь, мы ведь тут неподалеку. Позвони, если что-нибудь будет нужно. Вот мой телефон. – Она написала его на лежащем у телефона листке бумаги. – А теперь, может быть, что-нибудь еще? Игрушки для Грейс или кошачья еда?

Джиллиан встала, тяжело опираясь на стол.

– Если это только его не очень затруднит, мой телескоп. Его подарила мне бабушка, и он... очень особенный.

Марта положила одну руку на руку Джиллиан повыше локтя, а другой забрала прихватки.

– Не нужно объяснять, детка. Мой Джо сделает это с удовольствием.

Она поспешила к двери, Джиллиан и Грейс последовали за ней.

– Ах, пока я не забыла. Поскольку сегодня Пасха, мы надеялись, что вы с Грейс присоединитесь к нам за обедом. Будут кое-кто из наших детей и внуков, и я всегда запекаю огромный окорок.

Грейс незаметно дернула мать за руку, и, опустив глаза, Джиллиан увидела умоляющий взгляд.

– С удовольствием – но только если вы позволите и мне принести что-нибудь.

– Мама любит готовить, – подала голос Грейс. – Она ругается как матрос, когда обжигается, но у нее вкусно получается.

Джиллиан толкнула ее бедром, с опозданием напоминая помолчать.

– Дома в Атланте я занималась готовкой по заказу. Но я давно уже не проводила время на кухне, и кажется, мне пора это сделать.

Марта бросила на нее скептический взгляд:

– Только если пожелаешь. А то у нас на всех хватит.

Джиллиан почти что ощущала сладкий аромат пекущегося хлеба в своей кухне в Атланте, и ее охватила потребность сотворить своими руками что-нибудь замечательное.

– Мне действительно очень хочется.

– Тогда будем ждать с нетерпением. Скажем, где-то часов около двух? Я пришлю за вами Джо. Мы тут совсем рядом, но это слишком длинная прогулка для беременной и для маленькой девочки. Вы тут немного в стороне. – Она подмигнула Грейс. – Убедись только, что ты знаешь мой телефон, чтобы ты могла позвонить мне, если что-нибудь будет нужно.

– Еще раз благодарю вас, – сказала Джиллиан.

Она смотрела вслед Марте, махая. Молодой женщине не хотелось закрывать дверь, хотелось сохранить присутствие Марты в старом пустом доме и впустить в комнаты соленый воздух. Грейс побежала в дом, а Джиллиан осталась в дверях и смотрела на дюны.

Из соседнего дома донесся шум, и Джиллиан отступила на веранду, скрываясь в тени арок. Ее смутило, что в одиннадцать утра она была все еще в пижаме. С детства женщина привыкла вставать рано, стараясь избегать последствий, грозящих ей за долгое лежание в постели. От старых привычек трудно избавиться, и чувство вины преследовало Джиллиан, пока она не принимала душ, не одевалась и не принималась за какое-то дело.

У соседнего дома остановился черный «Мерседес», из которого вышел мужчина со свертками под мышкой, напоминавшими чертежи. Он был в джинсах и рубашке с длинными рукавами, застегнутой на все пуговицы. Несмотря на неофициальный стиль одежды, в его манере не было ничего небрежного.

Он захлопнул дверцу машины, ненамеренно, но со сдержанной силой, которая, казалось, имела свойство проявляться без всякого на то повода. Мужчина был высокий, длинноногий и широкоплечий и как бы излучал силу, не имеющую никакого отношения к его физическим свойствам.

Солнце озарило его на мгновение ярким светом, отразившимся от темно-каштановых волос, и тут же, скрывшись за облаком, все погрузило в тень. Вскинув голову, незнакомец посмотрел на дом. Джиллиан с трудом удержалась от улыбки: его выдающийся подбородок и твердый профиль почти соответствовали облику дома. Однако сразу посерьезнела, вспомнив, как бабушка однажды сказала то же самое о ней.

С океана дул легкий ветерок, принося с собой запах дождя. Над волнами сгустились грозные, темные тучи. Холодок пробежал у нее по спине, и ребенок внутри толкнулся о ребра,

да так, что у нее перехватило дыхание. Джиллиан наклонилась, держась за колонну, а потом снова взглянула на соседний дом.

Мужчина смотрел на нее. Глаза его были закрыты солнцезащитными очками. Она нырнула за колонну, коротко и тяжело дыша. В нем было что-то до странности знакомое, причем это знакомство было не из приятных. Джиллиан вспомнила название фирмы – производителя работ – «Райзинг и Морроу», Чарльстон. Название было ей незнакомо, и она была уверена, что никого не знала в Чарльстоне.

Слишком поздно она сообразила, что пытается скрыть свою беременность за довольно тонкой колонной. С позиции мужчины она должна была напоминать проглотившую тостер змею.

Расправив плечи, Джиллиан рискнула бросить на него еще взгляд. Тот прислонился к своей машине, все еще глядя в ее направлении. Глаза мужчины скрывались за темными очками, но по его выражению было ясно, что он следит за ней.

Притворяясь, что не замечает его, женщина двинулась к двери. Крупные капли дождя ударили по жестяной крыше веранды, когда она вошла в дом. Джиллиан успела плотно закрыть дверь до начала ливня.

Глава 3

Укладывая дочь в постель, Джиллиан поцеловала Грейси в лоб. Бан-Бан уютно устроился у девочки под рукой, а неизменно преданный Спот – на подушке. За три дня их пребывания здесь Грейс ни разу ничего не сказала о своей воображаемой подруге Лорен. Джиллиан иногда слышала, как она что-то шепчет у себя в комнате, но, когда стучалась к ней, все затихало.

Джиллиан подошла к окну задернуть занавески и воспользоваться возможностью взглянуть на соседний дом. Нет, она не хотела увидеть еще раз этого мужчину, но в нем было что-то такое, что прилипло к ее мозгу, как жвачка прилипает к подошве туфли.

– Ты видишь голых людей, Джилли?

Пристально вглядываясь в темные окна соседнего дома, она пробормотала:

– Хотела бы я.

– Что?

Забыв о занавесках, Джиллиан снова подошла к кровати.

– Ну конечно нет, Грейси. Я просто смотрела на этот строительный мусор и надеялась, что его уберут, как только закончат.

Поцеловав Грейс и подтянув ей одеяло до подбородка, женщина вышла из комнаты и спустилась вниз. Золотистый свет утомленного ранневечернего солнца придавал комнатам слабое освещение. Это было ее самое любимое время дня. В небе появлялись новые звезды, словно обещая, что следующий день будет еще лучше.

Джиллиан занялась работой в кухне – уборкой посуды, ожидая пока Грейси не погрузится в глубокий сон. Она ничего больше не желала, только бы свернуться в своей собственной постели и погрузиться в небытие, но мать обещала дочери, что пасхальный зайчик их найдет. Раскладывая на столе посудное полотенце – традиционный признак того, что все кухонные дела закончены, – она прислушивалась к звукам сверху. Ничто не нарушало призрачной тишины дома, и в голове Джиллиан все еще звучал голос Марты, рассказывающей об изоляции, в которой стояли эти два дома. Она подошла к окну, опустила скользящую раму и заперла его с громким щелчком.

Джиллиан опустила на колени перед шкафчиком под мойкой и извлекла из его глубины два пакета, заполненные пластиковыми пасхальными яйцами. Она смотрела на яркие краски, пытаясь вообразить себе восторг ребенка в пасхальное утро, но ей это не удавалось. Никто никогда не прятал для нее пасхальные яйца, и болтовня подруг об их утренних пасхальных находках звучала для нее как иностранный язык.

Выпрямившись, она начала прятать яйца в разных местах на первом этаже. Затем оставила это занятие, подумав, что здесь уже было достаточно сладостей для одного ребенка. Но у нее был еще один пакет яиц с сюрпризами, которые она собирала последние четыре ночи, когда Грейс уже спала. Этими вещами всегда занимался Рик, а она сейчас явно переоценила количество яиц.

Уверенная, что наверху все тихо, Джиллиан зажгла свет и потихоньку вышла через черный ход. Тяжело переступая по веранде, чувствуя себя огромной и не-уклюжей и радуясь, что ее никто не видит, она прятала яйца под арками, за старыми цветочными горшками и под качалками, доставленными на прошлой неделе. Спрятав последнее яйцо, она села в качалку и позволила себе единственное удовольствие – расколола одну гладкую розовую скорлупку. В родительском доме сладости запрещались, и она могла насладиться ими в редких случаях, только когда никто не мог увидеть этот ее грех.

Жуя миниатюрную шоколадку, она обратилась взглядом на соседний дом. Вечерний свет окрашивал полуразрушенный дом в нежные оттенки розового и оранжевого цветов, снова делая его прекрасным. Часть крыши отсутствовала, деревянные балки сходились посередине,

как выгоревшие ребра выброшенного на сушу кита. Окно спальни Лорен смотрело на нее пустым глазом, и печаль, которую она до сих пор таила в себе, окутала ее.

Не сознавая, что делает, Джиллиан спустилась по ступеням веранды и направилась к соседнему дому. Она осторожно обошла разбросанные на траве доски и гвозди, а когда остановилась перед верандой, сильный порыв ветра сзади как будто продолжал толкать ее вперед невидимой рукой.

Джиллиан поднялась по треснувшим ступеням, ощущая запах пекущегося в духовке хлеба и чувствуя объятья и улыбки Лорен и ее родителей. Слезы жгли глаза при воспоминании, и она снова загнала всплески прошлого в глубь памяти.

Джиллиан толкнула раскачивающуюся от ветра входную дверь располневшей рукой и вошла в холл. Мигая в полумраке, она ожидала прилива воспоминаний.

Мягкая розовая изоляция, которая напоминала ей о набивке плюшевой игрушки, была видна в отверстиях на стенах и потолке. Душа исчезла, остались только скелет и воспоминания, цеплявшиеся за голый пол и обнажившиеся балки. Все было разрушено и мало что напоминало дом, каким он был, но когда молодая женщина закрывала глаза, она по-прежнему могла видеть ярко-желтые стены и цветастую обивку мебели. Джиллиан колебалась, прислушиваясь к тишине, но ветерок, дувший ей в спину, побудил двинуться дальше в глубь этого призрачного дома.

Расположение комнат было прямо противоположно тому, что было у нее: кухня налево, а не направо, и лестница вислась по направлению к стороне, выходящей на пляж. Твердо держась за временные перила, она начала медленно подниматься по лестнице, не понимая, что и почему толкало ее к этому.

На верхней ступеньке Джиллиан остановилась прислушиваясь. Шум океана словно гладил дом, как мать гладит ребенка, чтобы тот заснул. На мгновение она закрыла глаза, раскачиваясь под этот мягкий ритм. Безмолвный дом как будто окружал женщину, подступая к ней со всех сторон. Она открыла глаза, снова побуждаемая какой-то силой двигаться вперед.

Дверь в комнату Лорен отсутствовала. Джиллиан вошла, ощущая, будто старинная подруга ожидала ее там, чтобы раскрыть какой-то давний секрет. Казалось, эта комната сохранилась лучше остальных, стены и пол были целы, хотя розовые обои и пушистое ковровое покрытие исчезли. Джиллиан прошла в угол комнаты и села на глубокий подоконник окна-фонарика.

Она попыталась прижать колени к подбородку, как они это делали всегда с Лорен, и засмеялась над своими усилиями поднять колени выше живота. Солнце опустилось еще чуть ниже, направив в комнату яркий луч, как благословение. Женщина подняла правую руку к свету, дав солнцу отразиться в золотом кольце бабушки, присутствие которой она ощущала сейчас еще сильнее...

Рука Джиллиан опустилась и коснулась петли, напомнившей ей, что в подоконнике было отверстие. Волна возбуждения пробежала по ней. Она быстро слезла с подоконника и открыла крышку. Скрип ржавых петель в тишине дома прозвучал преувеличенно громко. Присев на корточки, насколько это ей позволял живот, молодая женщина потянулась в самый угол, нащупывая пальцами потайной ящик, который, как ей было известно, там находился.

Через несколько минут ее усилия были вознаграждены, и под кончиками пальцев оказалась маленькая кнопка. Она поспешно нажала ее, как при ней это делала Лорен, и испытала острое разочарование, когда ничего не произошло.

Джиллиан отчетливо услышала, как захлопнулась дверца машины. Быстро поднявшись и закрыв крышку, она прижалась лицом к стеклу и взглянула вниз. Женщина не могла ничего увидеть и только подумала, приехал посетитель в этот дом или в ее собственный.

Джиллиан впервые ощутила прилив паники, вспомнив о Грейс, спящей в одиночестве. Так быстро, как только могла, она направилась к дверному проему, сняв на ходу туфли, чтобы

не создавать лишнего шума. Стоя на пороге, она услышала, как закрылась парадная дверь. У женщины сильно забилося сердце, казалось, его стук наполнял притихший дом.

Внизу раздались шаги, и стало слышно, что кто-то поднимается по лестнице. Затаив дыхание, Джиллиан следила за растущей тенью в лестничном пролете, пока посетитель не остановился на площадке и не посмотрел прямо на нее.

Лицо было знакомое и в то же время незнакомое. Исчезла искренняя серьезность юности: непобедимая, неразрушимая аура, присущая только очень молодым и тем, кого еще не постигло разочарование зрелости. Ее сменили суровые черты человека, ловким ударом резко порвавшего со своими корнями. В отчаянной попытке бежать из того мира, в котором он родился, человек оставил позади все плохое и хорошее и стал таким, каким этот мир не давал ему возможности стать.

Но твердый взгляд не изменился за шестнадцать лет. Темно-серые глаза смотрели на мир с плохо скрытой враждебностью, скрывая следы сердечных ран и нежности, их могли видеть немногие, кого он подпускал к себе близко.

– Линк, – проговорила Джиллиан, прежде чем одна из туфель, которые она держала в руке, упала вниз к его ногам. Она тяжело опустилась на верхнюю ступеньку и ждала. Конечно, это был он. Джиллиан, наверное, знала это уже с тех пор, как увидела его около дома, и мужчина смотрел на нее так, как будто тоже узнал.

Быстрым и точным жестом он подхватил туфлю длинными чуткими пальцами и держал ее так, что Джиллиан не могла до нее дотянуться.

– Что ты здесь делаешь? – Ее голос эхом прозвучал в пустом доме.

– Я собирался задать тебе тот же вопрос.

Голос Линка не изменился. У него по-прежнему был легкий местный акцент, напоминавший летние штормы, неожиданные и внезапные.

Джиллиан нервно засмеялась:

– Ты хочешь сказать, что это не мой дом? Извини, я, вероятно, заблудилась и свернула в дюнах не в ту сторону.

Губа Линка дрогнула, но лицо его тут же снова приняло холодное наблюдательное выражение.

Он толкнул ногой гвоздь, с неожиданно громким шумом упавший вниз по лестнице.

– Ты беременна.

Она опустила взгляд на свой живот, полностью скрывавший ее ноги, когда она сидела.

– Знаешь, я полагаю, ты прав, – усмехнулась Джиллиан. – Я загораживаю тебе дорогу. Если ты выйдешь, я смогла бы выскользнуть из дома и предоставить тебе больше места.

– Ты замужем? – спросил он, как будто не слыша.

Джиллиан взглянула на него невозмутимо.

– Разведена, – ответила Джиллиан, он больше ничего не сказал. – Послушай, извини, если я вторгаюсь на чужую территорию. Я купила старый бабушкин дом рядом. Мне хотелось посмотреть, какие здесь перемены. – Она нервно сглотнула. – Я уйду.

Линк не шелохнулся и не отдал ей туфлю.

– Я видел тебя на днях. Ты за мной следил.

Джиллиан покраснела, вспомнив, как он смотрел на нее, когда она пряталась на веранде.

– Я тебя не узнала, а то бы я вышла раньше.

Линк взглянул на нее с явным недоверием.

– Я увидела чертежи у тебя под мышкой и решила, что ты один из архитекторов... – Она замолчала, увидев, что выражение его лица омрачилось. Затем снова сглотнула и продолжала: – Я не узнала фамилии на доске, поэтому я не подозревала... – Голос ей снова изменил, и они долго смотрели друг на друга. – А ты кто, Морроу или Райзинг?

Он прислонился к стене, скрестив руки на груди оборонительным жестом.

– Райзинг. Поскольку моя мать не знала, кто был мой отец, я подумал, что могу выбрать себе любую фамилию, какую хочу. Райзинга я нашел на кладбище в Чарльстоне. Решил, что эта фамилия подходит тому, кто убегает и начинает все с начала.

Ребенок ворохнулся, и рука Джиллиан инстинктивно опустилась на живот.

Взгляд Линка скользнул по руке и снова обратился на ее лицо. Выражение мужских глаз было непроницаемым.

В голосе его звучало раздражение, когда он снова заговорил:

– Тебе нельзя здесь быть. Тут много мусора, и это небезопасно – особенно для беременной женщины. Можно легко поскользнуться и упасть.

Ухватившись за перила, она с трудом поднялась и надела туфлю. Его присутствие волновало ее. Джиллиан разрывалась между воспоминаниями о мальчике, которого она знала, и этим мужчиной, которым он стал. Она попыталась говорить с мальчиком.

– Мы давно не виделись, правда? Я много о тебе думала.

– Ну, еще бы.

– Я бы написала, если бы знала, куда ты делся. Знаешь, тебе не нужно было бежать. Были люди, которые не считали тебя виновным.

Между ними воцарилось неловкое молчание.

– А кто лучше знает, как убегать, чем ты, Джиллиан? Ты сбежала в Атланту, как только начальник полиции посадил меня в свою машину.

У нее захватило дыхание, и Джиллиан обеими руками вцепилась в перила.

– Отдай мне туфлю, пожалуйста, и я уйду.

Было неважно, что он слышит дрожь в ее голосе. Джиллиан нужно было уйти, вернуться к Грейс и начать излечивать свою душу. Присутствие Линка задело старые раны, о которых она хотела бы забыть навеки.

Мужчина поднял туфлю, и она схватила ее, а затем осторожно спустилась вниз. Задержавшись на площадке, она взглянула на него. Лицо Линка было для нее непроницаемо – способность, которую он усовершенствовал за годы, прошедшие с последней их встречи. Но руки Линка были тесно прижаты к стене, будто он хотел удержать их, запрещая им помочь Джиллиан спуститься.

Она попыталась обойти его и услышала, как он тихонько выругался.

– Черт, – сказал он, подхватил ее на руки и отнес вниз по лестнице и через свалку, образовавшуюся на ступенях веранды.

Она почувствовала жар и силу поддерживавших ее мускулов, потом она ощутила его запах, запах свежего дерева и соли, и поняла наконец, что это и есть тот самый Линк, которого она когда-то знала.

Он опустил ее на землю по другую сторону кучи мусора и стал пристально смотреть на нее своими серыми глазами, потемневшими и отражавшими внутренний свет.

– Мне не нужна твоя помощь, – сказала она, отталкивая Линка.

– Ты никогда в ней не нуждалась, Джиллиан. Но я всегда был рядом в любом случае.

Она уловила двойной смысл его слов и отвернулась, сердце у нее сильно билось. С достоинством, какое только она могла найти, и, как она надеялась, с большей грацией, чем набитое чучело, Джиллиан пробралась по траве, стараясь не останавливаться, и оказалась на своей территории.

Остановившись на мгновение перевести дух, она оглянулась. Линк стоял в дверях, молча наблюдая за ней. Она поняла, что тот хотел убедиться в ее благополучном возвращении.

С вновь обретенной силой молодая женщина осторожно прошла между домами и облегченно вздохнула, оказавшись на своей веранде. Она прислонилась к колонне и смотрела в сторону океана, который не могла видеть, но знала, что он там бьется о берег в неизменном ритме

прилива и отлива. Океан всегда напоминал Джиллиан о человеческом свойстве страдать и прощать, и она недоумевала, почему многие тонут, не в состоянии достичь твердыни искупления.

Изможденная, она вошла в дом и захлопнула за собой дверь.

Линк долго смотрел на закрытую дверь, испытывая чувство стыда за то, как он говорил с Джиллиан. Он не был уверен, что злило его больше: то, как он резко говорил с ней, или то, что ему было теперь за это стыдно. Несмотря на то что он думал о роли, какую эта женщина сыграла в его прошлом, он не мог примириться с чувством обиды на ее лице, когда она уходила.

Линк снова поднялся по лестнице и вошел в комнату Лорен, раздумывая, для чего туда зашла Джиллиан и не обнаружила ли она там что-то, чего ему не удалось найти. Сев на подоконник, он стал смотреть на соседний дом.

В угловой комнате зажегся свет, и Линк увидел, как Джиллиан подошла к маленькой девочке, лежащей на кровати. Он наблюдал за тем, как Джиллиан положила руку на лоб девочки, но не поцеловала ее. Темные волосы женщины свесились ей на лицо при легком, как во время молитвы, наклоне головы. Черт, до чего она красива. И беременность только усилила это впечатление. Новое состояние придавало ей выражение уязвимости. Линку стало трудно ненавидеть Джиллиан, а ведь именно в этом чувстве он уверял себя последние шестнадцать лет.

Когда Линк впервые увидел ребенка и узнал про новую беременность, его это поразило. Так же горячо, как он клялся когда-то стать архитектором, она клялась, что никогда не станет матерью. Какую же часть своей души, думал он, она отдала для изменения этого решения. Он проследил, как, поправив на девочке одеяло, Джиллиан подошла к окну задернуть занавески. Несколько секунд женщина его не замечала, и Линк успел увидеть ее лицо таким, каким она никому не позволяла его видеть. Вместо спокойствия вечной оптимистки перед ним было лицо женщины, хранящей внутри себя скорбь и разочарование. Это взволновало мужчину, и он пожалел, что увидел это.

Держа одной рукой занавеску, она взглянула на соседний дом, и их взгляды встретились. В этих взглядах не было прощения или примирения, а было просто признание присутствия друг друга, и у Линка осталось впечатление какой-то незавершенности.

В окне показалась другая белая ладонь, и занавески закрылись. Несколько минут спустя в комнате погасла лампа, и дюны снова оказались в слабом свете луны и звезд.

Глава 4

Джиллиан ощутила на лице солнечное тепло, и на мгновение ей показалось, будто она снова молоденькая девушка в безопасности бабушкиного дома, а Лорен находится в соседнем доме. А потом Джиллиан открыла глаза, ребенок шевельнулся, и она поняла, что ей не стать снова прежней девушкой.

Сидя на постели, Джиллиан свесила ноги и присмотрелась к направлению солнечного луча. В тревоге она взглянула на часы и увидела, что было уже почти девять утра. Джиллиан подошла к двери, распахнула ее и увидела, что дверь в комнату Грейси открыта настежь.

– Грейси! – воскликнула молодая женщина, но ответом ей был только шум прибоя. Она осмотрела комнату Грейси и весь остальной дом. В голосе Джиллиан звучала паника.

Все еще в ночной рубашке, она вышла сначала на заднюю веранду, потом в дюны, а потом на узкие мостки, пока не увидела длинную полосу пляжа. Джиллиан резко остановилась, услышала в ушах биение собственного пульса, увидела маленькую фигурку дочери. Грейс лежала на песке, ее пасхальная корзина стояла рядом. С другой стороны, поджав колени и не обращая внимания на гулявший между океаном и дюнами ветер, сидел Линк.

Джиллиан ринулась вперед, споткнулась о камень и упала коленями на мягкий теплый песок.

– Вот дерьмо, – пробормотала она, попыталась подняться, но зыбкий песок мешал обрести равновесие.

– Грейси! – снова закричала она. Два спокойных лица обернулись в ее сторону. Спот поднял голову с колен Грейси, бросил на Джиллиан презрительный взгляд. Она остановилась перед ними, с трудом перевела дыхание.

Грейси подхватила пасхальную корзинку.

– Посмотри, Джилли, пасхальный зайчик нас нашел. И ругаться нельзя, – сказала она, снова опустив корзинку на песок.

Джиллиан взглянула на девочку, недоумевая, как она могла услышать про зайчика, и тут же решила, что она не хочет этого знать.

– Это Линк, – улыбнулась девочка.

Джиллиан прижала руку к сердцу, стараясь замедлить его биение.

– Я знаю. Правда, непонятно, что ты здесь делаешь в ночной рубашке.

– А ты тоже в ночной рубашке, – хихикнула Грейси, глядя на Линка. – Папа говорил, только бродяги, живущие в трейлерах, бегают в пижамах.

Чувствуя, что потерпела поражение, Джиллиан опустила на песок рядом с Грейси.

– Кому уж знать, как не ему.

Линк бросил на нее вопросительный взгляд, но ничего не сказал.

– Грейси, тебе бы следовало знать, что нельзя уходить из дома, не спросив разрешения, особенно когда близко вода, и нельзя разговаривать с посторонними.

– Мне не хотелось тебя будить, Джилли. Я увидела пасхальные яйца на веранде, подумала, что могу их взять, а Линк не посторонний. Я видела в окне, как он смотрит на дом, и Лорен предложила мне выйти и поговорить с ним.

Как только Грейс произнесла запретное имя, она зажала себе рукой рот. Линк поднялся и пристально посмотрел на девочку, прежде чем обратить укоризненный взгляд на Джиллиан.

Джиллиан подняла пасхальную корзинку и вручила ее Грейс.

– Теперь иди, оденься. Надень одно из своих лучших платьев, потому что мы пойдем в церковь, а потом на обед к миссис Вебер.

Грейс виновато опустила голову.

– Прости, Джилли. Я знаю, что не должна называть это имя.

Джиллиан взяла ее за руку.

– Все в порядке. Только не забывай, Лорен существует только в твоём воображении, хорошо?

Грейс мгновение поколебалась, как будто она хотела возразить, но вместо этого она повернулась к Линку и слегка ему улыбнулась:

– Пока, Линк.

Жесткие складки у его рта, казалось, смягчились.

– Пока, детка. Спасибо за компанию.

Грейс повернулась и, держа в руке пасхальную корзинку, побежала вверх по дюнам к дому. Спот преданно последовал за ней.

Джиллиан постаралась подняться с песка. С изумлением она увидела перед собой загорелые длинные пальцы и поняла, что Линк предлагает помощь. Протянув ему обе руки, Джиллиан позволила Линку поднять себя, с восхищением отметив, что это не стоило мужчине большого усилия.

Прежде чем отпустить руки Линка, она обратила внимание на маленький шрам, темнеющий на его правой руке между большим и указательным пальцами. Джиллиан слегка коснулась его и взглянула на Линка.

– Я помню, откуда он у тебя. Ты вырезал эту коробочку для Лорен, и нож у тебя выскользнул. Кровь шла долго, но ты продолжал работать. Как будто знал, что остается мало времени.

Линк отнял ее руку, словно обжегшись, и Джиллиан увидела в его глазах боль, прежде чем он успел скрыть руку и холодно на нее посмотреть.

– Что ты сказала Грейси про Лорен?

Она смотрела на горизонт, расплывчатую линию, где небо встречалось с океаном.

– Ничего. Я даже не упоминала это имя при ней раньше. Или твоё имя. У нее есть воображаемые друзья, и Грейси решила называть свою новую подружку Лорен.

– Почему ты хромаешь?

Расправив хлопковую ночную рубашку на животе, она сказала:

– Мой седалищный нерв. Ребенок давит на него, и от этого больно ходить, сидеть и стоять.

Выражение лица Линка не изменилось, и Джиллиан почувствовала настойчивое желание добиться от него какой-нибудь реакции.

– Бывший муж предлагал мне обзавестись тростью, но я особенно не прислушивалась к нему. Муж предложил мне это как раз после того, как пожелал оставить за собой мебель из бабушкиной спальни после развода из-за его новой занятой подружки.

Линк и бровью не повел.

– Когда ты ждешь ребенка? – Он проговорил эти слова с неохотой, как будто, произнося каждое слово, расставался с какой-то драгоценностью. При этом Линк тщетно скрывал недовольство своим присутствием здесь, и все же он оставался и не отводил от Джиллиан глаз.

Она пожала плечами:

– Еще месяц, прежде чем я снова смогу увидеть мои ноги. Мне кажется, я беременна уже целую вечность.

Его серые глаза по-прежнему внимательно глядели на Джиллиан. Между ними лежал целый пустой пляж, полный незадаанных вопросов.

– Вечность – это долго.

Может, не так уж долго, чтобы забыть. Линк молчал, а порывистый ветер дул молодой женщине в спину, словно толкая ее к нему.

– Почему ты вернулся, Линк?

Глядя на два старых дома, их башенки, застывшие, как вечно приподнятые плечи, молодой мужчина сунул руки глубоко в карманы.

– Дом там, где живут привидения.

Ветер снова вздул ее рубашку, и волосы, со вкусом соли и песка, попадали ей в рот.

– Так звучит холод. И одиночество.

Линк продолжал смотреть на дома, как будто она ничего не сказала. Повернувшись уходить, Джиллиан почувствовала, как его сильная рука сжала ее руку повыше локтя.

– Ты можешь ушибиться.

Она неохотно позволила ему провести себя по песку к мосткам. Рука Линка была теплая, и Джиллиан впервые пришло в голову, что под рубашкой у нее ничего нет. Она почувствовала, как кровь бросилась ей в лицо.

– Тебе плохо? – Голос Линка был заботливый, но в нем звучало нетерпение.

– Мне хорошо, – сказала она смущенно. – Только доведи меня до мостков, и все будет в порядке.

Они медленно дошли до твердой поверхности настила, и Линк тут же отпустил руку Джиллиан.

– Спасибо. И спасибо за то, что ты позаботился о Грейси.

– Она славная девчушка. – На мгновение Линк отвернулся. – Я должен признаться, удивился, увидев тебя матерью. Я многого от тебя ожидал, но только не этого.

Джиллиан повернулась к дому, она не желала и не была в состоянии объяснить свои причины кому-либо, а менее всего этому человеку.

– Еще раз спасибо, – сказала она, устремляясь со всей возможной скоростью к черному ходу.

Войдя, Джиллиан закрыла дверь и прислонилась к ней, зная, что Линк все еще стоит на мостках, под ветром, вздыбившим его волосы, и глядит ей вслед холодными серыми глазами.

Около двух часов Линк стоял на передней веранде Джиллиан и громко стучал в дверь. Мысль оказаться объектом махинаций миссис Вебер была ему крайне неприятна, но он понял, что это в конце концов давало ему возможность получить от Джиллиан необходимую информацию. Чем скорее, тем лучше. Ее ранимость тревожила Линка, вызывая у него большую озабоченность, чем бы хотелось.

Линк почувствовал чудесный аромат из окна, а потом услышал мелкие быстрые шажки, и Грейси распахнула дверь.

– Привет, Линк, – сказала она серьезно. На ней было тщательно накрахмаленное бледно-зеленое платье, без единой складочки. Улыбка осветила лицо Грейси, и девочка понизила голос: – Я знала, что ты придешь. Джилли на кухне.

Она отступила, чтобы дать Линку войти, и повела его в заднюю часть дома.

Джиллиан наклонилась над духовкой с огромными прихватками-рукавицами на руках, доставая противень. Когда она обернулась и увидела Линка, то настолько удивилась, что чуть не выронила противень. Опустив глаза, Джиллиан поставила его на стол и скинула рукавицы. Щеки ее покраснели от жара духовки, и тут только Линк заметил, что у Джиллиан под фартуком была только комбинация. Это явно привлекло внимание Линка, и ему вдруг захотелось снять ботинки и сесть за кухонный стол. Подобная мысль встревожила его, и он поспешно застегнул пиджак.

– Привет, Линк. Извини за мой вид, но я не ожидала гостей.

– Извини. Я полагаю, я должен заранее упомянуть о просьбе миссис Вебер. Эта дама хочет, чтобы я привез тебя и Грейс к ней. Я тоже приглашен, и поскольку твою машину еще не вернули...

Он умолк, увидев, как расширились вдруг глаза Джиллиан.

– В чем дело?

Она покачала головой и начала тыкать ножом по краям другого противня, оставленного на плите для охлаждения.

– Ничего. Только... ничего. Спасибо. Я только выложу эту еду на блюдо, накину платье и буду готова ехать.

Линк ждал, не скажет ли Джиллиан что-нибудь еще, и наблюдал за тем, как она готовила блюдо. Движения ее были целенаправленны и грациозны, несмотря на беременность. Ее положение, казалось, сделало ее еще красивее, округлив щеки и придав яркость красок, распространяющуюся не только на ее кожу. Джиллиан так отличалась от девушки, которую он помнил худой, как тростинка, и словно скользившей по жизни на цыпочках, боясь привлечь к себе внимание. Косточки лица и тела Джиллиан выдавались, как у голодного ребенка, но он знал уже тогда, что недостаток она испытывала не в пище, а только в том, что свободно доставалось другим детям.

Сунув руки в карманы, Линк стал осматривать кухню, отмечая детали, привнесенные Джиллиан за короткое время ее пребывания здесь. На большом окне были кружевные занавески, по стенам развесили начищенные до блеска медные формы и детские рисунки в светлых деревянных рамках, вероятно, созданные Грейси, и большую звездную карту ночного неба.

Он почувствовал присутствие Джиллиан рядом с собой и, обернувшись, увидел, что она протягивает Линку кусок торта на фарфоровой тарелке и кружку кофе.

– Это тебя займет, пока я переоденусь.

Джиллиан вышла, прежде чем Линк успел поблагодарить ее, и он сел за стол, недоумевая, как здесь оказался. Грейси присоединилась к молодому мужчине и тоже уселась, серьезно на него глядя.

Опустив подбородок на руки, она сказала:

– Я знала, что ты приедешь.

Линк не успел поднести ко рту вилку.

– Вот как? А откуда ты знала?

– Попробуй торт. Джилли пекла для других, и ей платили. У Джилли это здорово получается.

Чтобы сделать ей приятное, Линк попробовал угощение и тут же пожалел, что не откусил побольше. Торт был еще теплый, влажный и сладкий, с традиционными украшениями сверху из сахара и фруктов.

– Вкусно, правда?

Линк кивнул, прежде отхлебнуть кофе.

– Ты мне не ответила. Откуда ты знала, что я приеду?

Она наклонилась вперед и оперлась на локти.

– Мне сказала Лорен. Она сказала, что ты ее знаешь.

Следующий кусок застрял у Линка в горле, и он быстро сделал еще глоток кофе. Он не успел задать еще вопрос, как появилась Джиллиан.

– Тучи и ветерок прохладный, Грейси. Пойди возьми свитер.

Девочка побежала наверх. Линк встал и поставил тарелку и кружку в мойку. Он медленно повернулся к Джиллиан.

– Грейси сказала, что знала о моем приезде. Откуда она это знает?

Джиллиан поджала губы, взгляд ее стал настороженным.

– Она... она просто знает. Она говорит, что ей сообщают это воображаемые друзья.

Линк покачал головой:

– Я не могу поверить. Может быть, она слышала, как ты говорила по телефону с миссис Вебер или...

Джиллиан прервала его и глубоко вздохнула:

– Скажи мне, Линк, не надел ли ты случайно один коричневый носок, а другой – черный?

Линк помолчал, глядя на нее подозрительно.

– Конечно нет. А какое это имеет отношение к делу?

– Нет, ты мне все-таки скажи.

– Ладно. Посмотри.

Линк подтянул брюки, и свет, падавший из большого кухонного окна, осветил блестящий деревянный пол, его ноги и разноцветные носки.

Грейс сбежала по лестнице со свитером в руках. Линк опустил поддерживавшие брюки руки и встретился глазами с Джиллиан. Она побледнела, и на ее лице появилось выражение покорности судьбе.

– Пошли, Грейси. – Девочка ухватила за протянутую матерью руку, и они вышли из дома к ожидавшей машине. Линк последовал за ними молча, гася желание задать сотню вопросов. Он не собирался ввязываться в какие-либо отношения с Джиллиан и с ее дочерью. Ему было нужно кое-что узнать, он хотел спросить о том, что произошло шестнадцать лет назад. И это было все, потому что в конечном счете ничто другое не имело значения.

Глава 5

Весна в низовьях казалась Джиллиан мимолетной. В это время воздух был прохладнее, и еще не съезжались толпы туристов. Два раза она провела там с бабушкой пасхальные каникулы, хотя чаще приезжала на остров летом.

Выйдя из дома, Джиллиан ощутила свежий запах надежды и новых начинаний. Это опять навеяло воспоминания о бабушке и о том, чему она ее научила. Джиллиан заметила цветущие кизил и азалии, она знала, что их цветение предвещает время, когда скопы устраивают гнезда и красноклювые сарочаи занимают свои места в островной жизни.

Джиллиан взглянула на Грейс, усаживаясь в машину Линка. Скоро она поведет дочку на болота посмотреть на гнезда скоп и прекрасных цапель. «Там было много чего, что могло занять воображение ребенка: крабы, улитки, креветки и множество других животных, живущих в высокой траве болот. И привидений», – подумала она.

Джиллиан, идя к машине, представила Линка, Лорен и себя, ловящих крабов, помедлила, открывая дверцу машины, и решила, что скоро возьмет туда Грейс.

Во время короткой поездки к Веберам Джиллиан украдкой рассматривала Линка. Его многообещающая в юности наружность теперь полностью реализовалась, хотя мужчина этого не сознавал. Она смотрела на длинные пальцы, обхватившие руль, и вспоминала эти же пальцы, откидывающие прядь волос Лорен, когда они любовались закатом. Джиллиан видела жесткие складки у рта и суровый взгляд. Она не могла даже вообразить, что этот человек с такими пальцами способен на какую-либо нежность.

– Кстати, они не знают, кто я, – нарушил молчание Линк, – и я был бы признателен, если бы ты не просвещала их на этот счет. Они знают меня как Вильяма Райзинга, архитектора из Чарльстона, восстанавливающего дом Миллсов, и я хотел бы оставить их в этом заблуждении.

– А ты не думал, что они уже узнали тебя?

Линк пожал плечами, но понизил голос:

– Я думаю, в их представлении длинноволосый сын проститутки с Мертл-Бич не может иметь прекрасную машину, носить костюмы и восстанавливать дорогие дома. Им не пришлось бы в голову заглянуть глубже.

Джиллиан неловко заерзала на сиденье и оглянулась на Грейс, которая, притворяясь, что внимательно смотрит в окно, прислушивалась к каждому слову. Мать, поняв это, понизила голос:

– А зачем такая секретность? Веберы, по-моему, люди понимающие. И к тому же тебя никто не обвинял.

Линк сбавил скорость и пристально на нее посмотрел.

– Но это еще не делает меня невиновным, ведь так, Джиллиан?

Она и глазом не моргнула.

– Да, не делает. Но были и те, кто верил в твою невиновность, несмотря на мнение других.

Линк резко затормозил и припарковался у выкрашенного в белый цвет деревянного дома. С трех сторон его окружала веранда с гамаками. Первый этаж опирался на кирпичные колонны. Фасад украшали мансарды с раскрытыми окнами, в которых были видны колыхающиеся кружевные занавески. Марта Вебер открыла парадную дверь и вышла им навстречу, вытирая руки ярко-желтым передником. Джиллиан улыбнулась, прочитав на нем слова: «Марта Стюарт за работой».

Линк еще не успел открыть свою дверцу, как Джиллиан схватила его за руку.

– Твою тайну я сохранию – хотя я думаю, тебе следовало бы им рассказать. Но от меня они ничего не узнают.

В его глазах что-то мелькнуло, как будто он сомневался, верить ей или нет. Джиллиан не была уверена, каково было его окончательное решение.

Марта открыла дверцу Грейси.

– Заходите все. Надеюсь, что вы проголодались, потому что у нас пропасть всякой еды. – Она прищелкнула языком, увидев блюдо в руках Джиллиан. – Не надо было трудиться. Надеюсь, что особых хлопот тебе это не доставило.

Джиллиан, балансируя блюдом и сумочкой, старалась вылезти из машины, ничего не уронив. Она с облегчением приняла помощь Линка, заметив, как быстро он отнял руку, убедившись, что она твердо стоит на ногах и как близко к ней держался по дороге к дому.

– Никаких хлопот. Я люблю готовить, особенно для других.

– Ну, ты прелесть. И вы тоже, Вильям, что привезли Джиллиан и Грейс. Я знаю, тут недалеко, но все же Джиллиан не стоит ходить в ее положении.

– Я рад быть полезным, Марта.

Джиллиан взглянула на Линка и удивилась, не увидев саркастической усмешки. Его рука поддерживала ее под локоть, когда она поднималась по ступенькам к парадной двери.

В дверях появилась молодая женщина в ярко-красном спортивном костюме с помадой соответствующего оттенка и такого же цвета туфлях. Придерживая открытую дверь, она приветливо улыбнулась Джиллиан.

– Пари держу, ты меня не узнаешь: я немножко изменилась с тех пор, как ты меня видела последний раз. Я – Лесси Бьюмонт, твой риелтор. Мой муж, Кен, где-то здесь. – Лесси оглянулась по сторонам, как будто ее муж или кто-нибудь другой мог ее слышать, и понизила голос: – Я рада, что смогла помочь тебе приобрести бабушкин дом, да еще так дешево.

Джиллиан помнила Лесси маленькой девочкой, на четыре года моложе себя, разгуливающей по острову в тиаре из искусственных бриллиантов и материнских туфлях на высоких каблуках. Джиллиан с улыбкой протянула руку.

– Я рада, что ты сбросила свою корону. Ты стала повыше ростом, но думаю, я все равно тебя узнала бы. И я очень благодарна тебе за то, как ты подготовила все к нашему приезду. Я почувствовала себя дома, как только переступила порог.

Лесси тепло улыбнулась:

– Это было самое меньшее, что я могла сделать. Ты всегда была так добра ко мне, Джиллиан, когда я была маленькая, ты никогда не смеялась, как другие, над моей короной. А когда ты сказала, что ожидаешь ребенка и приедешь одна с маленькой девочкой, я сообразила, что моя помощь может тебе понадобиться.

Джиллиан вспомнила, как бабушка прятала черепаховые яйца и как однажды сказала, что мы полагаемся на доброту других людей, помогающих нам вернуться в свое гнездо. Слезы обожгли ей глаза, и она сказала с улыбкой:

– Да, ты мне очень помогла, и за мной теперь отличный обед.

– Ловлю тебя на слове, – засмеялась Лесси. Она привлекла к себе худенькую белокурую девочку. – А это моя Мэри Эллен. Я думаю, мама говорила тебе, что они примерно одного возраста с твоей Грейс.

Две девочки настороженно взглянули друг на друга.

– Мой брат нашел разбитое крокодилье яйцо. Хочешь посмотреть? – сказала Мэри Эллен.

Грейс вопросительно взглянула на мать и, когда Джиллиан кивнула, последовала за Мэри Эллен в задние комнаты. Лесси подмигнула:

– Все с ней будет отлично. Братья Мэри Эллен всегда присматривают за ней и ее маленькими подружками.

Джиллиан и Линка провели в заполненный людьми дом, где раздавались детские крики и болтовня взрослых и откуда доносились соблазнительные ароматы запеченого окорока и тушеных устриц. Чья-то рука дотронулась до плеча Джиллиан. Обернувшись, она оказалась

лицом к лицу с Мейсоном Вебером. Он был несколькими годами старше, с обветренной и загорелой кожей от постоянного пребывания на солнце, отчего светлые волосы, падавшие на лоб, казались еще ярче. Джиллиан улыбнулась, вспомнив, как она когда-то была влюблена в него.

– Мейсон Вебер! До чего же приятно тебя видеть. – Наклонившись вперед, она поцеловала его в щеку и увидела, как он залился краской.

– Привет, Джиллиан. Рад тебя видеть. Я все думал, вернешься ли ты когда-нибудь.

– Да, я решила, что пришло время. – Откинув голову, она впервые заметила его форму. – Значит, ты работаешь с отцом?

– Ну конечно. Он по-прежнему начальник, хотя и клянется каждый год, что уйдет в отставку. А я никак не мог решиться покинуть остров.

Он застенчиво улыбнулся, потом перевел взгляд на Линка и протянул руку:

– Вы, стало быть, знаменитый архитектор, о котором я столько слышал от Лесси и от мамы. Я – Мейсон Вебер.

С оттенком осторожности Линк пожал протянутую руку:

– Рад с вами познакомиться.

Он извинился и отошел, не ожидая неизбежного обмена любезностями.

Джиллиан смотрела вслед, пока не заметила, что Мейсон наблюдает за ней.

– Мне кажется, он застенчив, – сказала она, недоумевая в то же время, для чего бросилась на его защиту.

Мейсон кивнул:

– Может быть, я могу как-нибудь заглянуть, и мы вспомним старые времена.

– Я бы очень хотела, – сказала она искренне.

– Я тебе позвоню. – Мейсон отвернулся, не успев скрыть новый прилив краски в лице и давая возможность толпе окружить Джиллиан.

После всех представлений Джиллиан направилась в кухню, где собрались большинство женщин, и по дороге оглянулась на Линка, стоявшего в гостиной с другими мужчинами, смотревшими телевизор. Он стоял немного в стороне со стаканом холодного пива в руке, будучи одновременно и частью группы, и обособленным от нее. Джиллиан заметила, что Линк стоял на противоположной стороне от начальника полиции, и подумала, случайно ли так получилось. Линк хорошо смотрелся как беспристрастный наблюдатель – действительно, хорошо, – прислонившись к стене, непринужденно скрестив одну ногу с другой, с засученными рукавами рубашки. Линк оглядывал комнату с отвлеченным выражением.

Будто почувствовав, что кто-то за ним наблюдает, он обернулся. Прежде чем Линк успел встретиться с ней взглядом, Джиллиан нырнула в кухню.

Никто не спрашивал ее о Рике, но она все равно решила поблагодарить Марту и Джо за то, что они всех предупредили. На кухне Джиллиан оказалась в своей стихии. Марта с готовностью приняла ее в число своих помощниц. Джиллиан обрадовалась делу и была благодарна за то, что оно отвлекло ее хоть на время от Линка. Как он сказал? Дом там, где живут привидения. Эти слова преследовали ее сильнее, чем могло бы любое привидение. Его глаза, несмотря на видимость успеха, говорили, что Линк так же растерян и одинок, как и Джиллиан.

Отодвигая один противень, чтобы освободить место для другого, она обожгла палец.

– Дерьмо!

Марта, заметив произошедшее, подошла к морозильнику за кусочком льда и молча протянула ей. Джиллиан стояла возле мойки, наблюдая, как с тающего кусочка капает вода, и снова думала о Линке. Она хотела бы забыть о нем, как и Линк явно желал забыть о Джиллиан, но не могла. Оба они ощущали рядом с собой присутствие Лорен. В конце концов, ей придется объясниться с ним в открытую, и до тех пор она постарается насколько возможно его игнори-

ровать. Джиллиан вернулась на остров для того, чтобы начать все снова. Воскрешение призраков не входило в ее намерения.

– Я слышала, вы купили старый дом бабушки задешево. Знаете, дом Несбит-Норбернов пошел больше чем за два миллиона. Он, конечно, немного больше, но все же. Вам повезло.

Обернувшись, Джиллиан увидела Донну Майклс, учительницу местной школы, тоже жившую в одном из старых домов.

– Я понятия не имела, во сколько он обойдется, когда Лесси мне сказала, что мое предложение было принято сразу, без переговоров. Мне... мне хотелось уехать из Атланты, об остальном я не задумывалась.

Следующее замечание Донны заглушило объявление Марты, что окорок можно уже резать. В суете и стуке расставляемых на обеденном столе тарелок Джиллиан забыла об этом разговоре.

В соседней комнате она оказалась рядом с Лесси. Донна и некоторые другие женщины расселись, как курицы на насесте, по сторонам, с тарелками на коленях. Грейс и Мэри Эллен, ставшие уже неразлучными, нашли себе место на полу. Вошел и Линк, но остановился, тоже с тарелкой в руках, в дверях, как бы давая понять, что он здесь только зритель.

Лесси поставила стакан с холодным чаем рядом со своим стулом и обратилась к Джиллиан:

– Не знаю, говорила ли тебе мама, но я поступила на заочные курсы по сохранению исторических памятников. Одно из моих заданий – обследовать старые дома на острове, и я подумала, не разрешишь ли ты мне как-нибудь осмотреть твой дом.

– Разумеется. Я в этом не разбираюсь, но ты приходи, когда захочешь.

– Я знаю, в Тамариске – это старый дом Лашкоттов – есть потайная комната, где хозяева прятались от индейцев и пиратов, – вмешалась Донна. – Может быть, и у вас в доме найдется что-нибудь подобное. – Она взглянула на Линка. – Среди нас есть настоящий архитектор, – уж он-то наверняка должен знать.

Линк поставил тарелку на столик у стены, и Джиллиан подумала, была ли она единственная, кто ощутил его холодное презрение.

– У меня есть планы дома Джиллиан и соседнего дома, но ни в одном из них я не нашел никаких тайных комнат или чего-либо в этом роде.

Лесси адресовалась к Линку со своей обычной широкой улыбкой.

– Может быть, вы и есть тот самый человек, с которым мне следует поговорить. Могу я как-нибудь позвонить вам на этой неделе, чтобы договориться о встрече для более детального разговора?

Небрежно вытерев салфеткой руку и положив ее на тарелку, молодой мужчина ей слегка улыбнулся. Сначала казалось, что он откажется. Потом Линк достал бумажник и вынул оттуда визитку.

– Конечно. Оставьте мне сообщение вот по этому номеру. Я позвоню вам, когда смогу.

Лесси с довольным видом откинулась на стуле.

– Спасибо, Вильям. Я непременно так и сделаю.

– Знаешь, Лесси, единственная, кто, как я обнаружила, знает все об этих местах, – это Дженни Муллиган. – Донна аккуратно заложила за уши свои подцвеченные белокурые локоны. Последовало неловкое молчание, когда все уставились на нее.

Что-то пробежало в памяти Джиллиан.

– А кто такая Дженни?

– Одна сумасшедшая, которая живет в розовом коттедже на Моррисон-авеню. Она постоянно таскает с собой куклу, которую называет Малышка. Не понимаю, с чего ты взяла, Донна, что она много знает. Она и говорит-то бессвязно. – Лесси подняла на вилке кусочек окорока.

Джиллиан вспомнила Дженни, женщину, чья красота казалась такой же хрупкой, как и ее психика. Ей, наверное, сейчас за пятьдесят или около того, и Джиллиан не могла себе представить, чтобы с годами в ней что-то улучшилось. Бабушка часто брала с собой Джиллиан, когда навещала ее или относила ей еду, и единственным воспоминанием Джиллиан о ней была кукла.

– Это та же самая кукла? Она носила ее на груди в конвертике для младенцев. Кажется, у нее имелась и колыбель в спальне, где кукла спала.

– Та же самая, – кивнула Лесси. – И конверт тот же. Мы с мамой заходим к ней каждую неделю, чтобы помочь разобраться со счетами. Она по-прежнему нянчит эту куклу. Все очень печально, но она кажется счастливой.

Марта, заглянувшая в комнату, чтобы перекусить, прежде чем продолжать выполнять свои обязанности хозяйки, сказала твердым тоном:

– Дженни Муллиган со странностями, но мне она иногда кажется самой разумной женщиной, какую я знаю. И конечно, с ней стоит поговорить о старых домах и их истории. Дженни – ходячая энциклопедия. С ней нужно только быть терпеливой, вот и все.

– Может, ты и права, мама. – Лесси поставила тарелку на пол. – Возможно, я поговорю с ней в следующий раз, когда буду здесь. – Она снова улыбнулась Линку. – Но все же думаю, что осмотр дома и беседа с Вильямом помогут мне написать мою работу.

Линк только молча улыбнулся и отхлебнул пива. Разговор умолк, и гости снова вернулись к еде. Мэри Эллен поспешно допила свой лимонад.

– Миссис Парриш, у вас будет мальчик или девочка?

– Не знаю, через месяц, я думаю, мы увидим.

– Я знаю, откуда берутся дети, – объявила вдруг во всеуслышание Грейси.

Кусочек хлеба застрял в горле у Джиллиан, когда она попыталась глазами сделать знак дочери, чтобы та замолчала. Но Грейси впервые в жизни нашла в себе смелость выступить перед аудиторией.

– Мама и папа должны лежать в постели голые, а потом папа даст маме семечко подсолнуха, и оно превратится внутри нее в ребеночка.

Взрослые онемели, а Мэри Эллен с энтузиазмом продолжила:

– И папа с мамой должны любить друг друга, чтобы так получилось.

Грейс взглянула на мать, ее маленькое личико покраснело.

– Неправда, Мэри Эллен, – сказала она. – Мой папа не любил Джилли, а у нее все равно будет ребенок.

Джиллиан заметила, как все разом взялись за еду, глядя в свои тарелки, а не на ее покрасневшее лицо. Желудок у нее взбунтовался.

Линк двумя длинными шагами пересек комнату и присел на корточки перед девочками.

– Я заметил в кухне на столе шоколадный торт, и я не знаю, вкусный ли он. Я был бы вам очень благодарен, если вы сначала его попробуете и дадите мне знать, стоит ли его съесть.

Девочки вскочили и выбежали из комнаты по направлению к кухне. Линк взял тарелку с колен Джиллиан и поставил ее на стол. Протянув ей руку, он сказал:

– Пойдем. Я вижу, тебе плохо. Я либо выведу тебя на улицу, либо провожу в туалет. Выбирай.

Джиллиан с благодарностью взяла его за руку и позволила Линку отвести себя в туалет. Она едва успела закрыть за собой дверь, как тут же простилась со всем своим обедом. «Сколько еще унижений мне придется перенести», – подумала Джиллиан. Ей внезапно отчаянно захотелось анонимности, покоя и присутствия бабушки. А все, что у Джиллиан было, – это в прошлом тяжелый развод, дочь с проблемами, огромный живот, не позволявший ей видеть собственные ноги, и ожидавший за дверью человек, не желавший, казалось, иметь с ней ничего общего и которому она совсем не нравилась.

Джиллиан сполоснула рот и лицо холодной водой. С тяжелым вздохом она открыла дверь и вышла. Линк ожидал Джиллиан, прислонясь к стене.

– Спасибо за помощь. Ты славный парень, хотя и притворяешься, что нет.

Он выпрямился и сунул руки в карманы.

– Просто я не хотел, чтобы тебя вырвало в моей машине.

Скрывая улыбку, Джилман прошла мимо Линка со всем тем достоинством, какое может проявлять слон.

Линк сделал последний глоток из бутылки пива, заметив мерцающий свет фонарика у соседнего дома. Молодой мужчина сидел на веранде второго этажа, наблюдая за тем, как цвет океана менялся с голубого на серый и как солнце тонуло в волнах на горизонте, погружая остров в закатные тона.

А теперь на потемневшем небе зажглись первые звезды, и его новая соседка возилась с фонариком, чем-то похожим на телескоп. Джиллиан прошла по мосткам и остановилась на краю, глядя на дюны. Она сделала два робких шага, споткнулась и уронила фонарик.

– Черт! – донеслось до него.

Стиснув зубы, Линк встал и направился к лестнице. Она сломает себе шею, если я ей не помогу, подумал он. К тому моменту, как он подошел к Джиллиан, она уже стояла на прежнем месте, глядя на песок, как будто прикидывая расстояние.

– Что ты делаешь?

Она не оглянулась.

– Я хочу перенести мой телескоп на пляж, чтобы понаблюдать небо. Несколько ночей я уже пропустила. Это не дело.

У Линка защемило в груди, когда он вспомнил о других ночах, проведенных им на пляже, с зарытыми во влажный песок кончиками пальцев, когда его юное сердце уже было ранено, но все еще было полно надежды и мечты. Линк хотел повернуться и уйти, оставить ее. Но когда молодой мужчина увидел на фоне неба округлый силуэт и беспомощно согнувшиеся плечи Джиллиан, он понял, что не может это сделать. Линк откашлялся.

– Все еще ищешь новую звезду?

Джиллиан повернулась к нему. Ее светло-карие глаза светились.

– Все еще ищу. Один парень в Португалии нашел две за один год, а мне нужна всего одна.

Линку так хотелось не чувствовать потребности помочь ей, говорить с ней, облегчить ее боль. Но это чувство не покидало его. Без всяких просьб со стороны Джиллиан он взял у нее телескоп и фонарик, впервые заметив у Джиллиан вокруг шеи бинокль.

– А я-то думал, для чего у тебя на стене в кухне звездная карта.

Она начала медленно спускаться через дюны на пляж.

– Я ее знаю наизусть. Так что, когда появится новая звезда, я ее сразу узнаю. – Джиллиан остановилась и вгляделась в темнеющее небо. – Помнишь, Линк, как ты наблюдал звезды со мной? Мы лежали на спинах на песке и всматривались в небо. Мы находили созвездия и рассчитывали их расстояние от земли. А потом Лорен нас останавливала и заставляла загадывать желания, когда падала звезда.

Казалось, что ярко светившая луна набиралась сил от наступающей темноты, демонстрировала свою власть вызывать приливы.

Джиллиан замолчала и потом тихо продолжила:

– А ты, Линк? Ты когда-нибудь загадывал желание?

Он смотрел на нее, сосредоточившись на ее отяжелевшем животе, не в силах лгать ей в лицо. – Нет. Я никогда не верил в желания.

Джиллиан долго смотрела на Линка, молча.

– Жаль. – Она пошла дальше, и он покорно двинулся за Джиллиан.

Выбрав подходящее место, она остановилась и потянулась за телескопом. Чтобы помочь Джиллиан, он выключил фонарик и уронил его на песок.

Она мгновенно повернулась, паника отразилась на ее лице.

– А где свет?

– Он нам не нужен. Еще десять минут до наступления полной темноты.

– Включи его. Пожалуйста. Я люблю, когда он горит в темноте.

Молодой мужчина наклонился, поднял фонарик и снова зажег его.

– Спасибо. – В ее голосе прозвучало явное облегчение.

– Прости. Я забыл.

Джиллиан тихонько засмеялась.

– Большинство детей, как правило, с возрастом перестают бояться темноты. А я так никогда и не перестала.

Он помолчал, пока Джиллиан настраивала телескоп. «Почему я здесь», – подумал Линк.

Он наблюдал, как Джиллиан сначала осмотрела небо в бинокль, а потом пристроилась к видоискателю, приглядываясь к вспышкам света в небе.

– Ничего не изменилось, – сказала она с усмешкой, отвлекаясь от видоискателя. – Все звезды на месте. У меня еще есть шанс.

Линк не мог не улыбнуться в ответ. Линк не мог вообразить себе, чтобы женщина, напоминавшая гигантскую рыбу, была такой красивой. Черт возьми, к ней можно привязаться как к наркотику. Но ведь она была одной из них, напомнил он себе.

– Хочешь посмотреть? Ведь ты научил меня всему, что я знаю о ночном небе. Ты помнишь?

Улыбка Линка погасла. Он прислушивался к шуму волн.

– Я больше не смотрю на звезды. Уже много лет.

Ее голос был едва слышен из-за шума прилива.

– Мне жаль это слышать. Я иногда думаю, что все, что происходит там, наверху, имеет намного больше смысла, чем то, что происходит здесь, внизу.

Внезапно молодая женщина наклонилась, прижала руки к животу, и у нее вырвался стон.

– В чем дело? – Линк бросился к ней. Он оглянулся посмотреть, как далеко они ушли, чтобы он мог отнести ее обратно по густому песку и не убить их обоих.

Джиллиан посмотрела на него, дыхание молодой женщины стало ровнее.

– Мне кажется... иногда мне кажется, что я беременна.

Линк отступил назад. Шок, удивление и смех смешались у него. Джиллиан положила руку ему на плечо.

– Просто ребенок толкнул меня в чувствительное место. Со мной все в порядке.

Она выпрямилась и коснулась его щеки, посылая тревожные сигналы всему существу Линка.

– Приятно слышать, как ты смеешься, Линк. Не такой уж ты жесткий, каким хочешь казаться.

Он отодвинулся, и рука Джиллиан упала. Смех Линка исчез.

– Ты меня совсем не знаешь.

Она посмотрела на него сквозь темноту, и ему стало неловко под взглядом Джиллиан. Потом она снова вернулась к телескопу и прильнула к видоискателю.

– Если уж ты намерен оставаться здесь, пока я не закончу, чтобы убедиться, что я не распласталась на песке, как выброшенный на берег кит, может быть, ты бы сел и подержал фонарик передо мной, чтобы я могла видеть, куда я ступаю?

Ворча и не зная, куда делась его твердость, Линк опустил на песок. Фонарик вырезал кусочек света из острова мрака. Когда молодая женщина закончила, Линк помог ей собрать вещи и дойти до дома.

– Спасибо, Линк. Я думаю, теперь я буду наблюдать небо с веранды. Так будет легче.

Он кивнул, но потом, прежде чем уйти, задал вопрос, который не давал ему покоя:

– Почему Грейс называет тебя Джилли, а не мама?

– Так... так, мне кажется, лучше звучит. Она по-другому не умеет.

Линк понял. Он знал ее родителей и ее отношения с ними. Понял, но он ничего не сказал.

Тонкие нити могут образовать внушительную паутину, когда их много соберется вместе. Линку не хотелось, чтобы что-то связало его с Джиллиан.

– Спокойной ночи, – сказал он, собираясь уходить.

– Ты так и не спросил меня про носки и откуда мне это стало известно.

Линк снова посмотрел на нее. На расстоянии это было легче.

– Не было необходимости.

Медленно махая крыльями, как будто воздух сгустился, какое-то создание безмолвно пролетело над ними, сфокусировавшись на своей жертве внизу в камышах. Линк думал, что она скажет что-нибудь еще, но все, что она сказала, было: «Хорошей ночи, Линк».

Джиллиан закрыла дверь, оставив его одного на темных дюнах. Луна освещала путь Линку, и все привидения следовали неотступно за ним, пока он шел к своей машине.

Глава 6

Джиллиан сидела на краю мостков, наблюдая за приливом и отливом, а Грейс танцевала на пальчиках, убегая от соленой пены и широко раскинув руки, словно обнимая ветер. Отступая, волна оставляла за собой океанский выброс и сокровища для детей. Джиллиан вертела на пальце золотое кольцо. Прилив – отлив. Бабушка всегда говорила, что в каждой человеческой жизни есть немного того и другого, чтобы одно уравнивало другое. Но даже во время отлива, когда сухой слежавшийся песок жаждал влаги и океан казался далеко, всегда оставалось что-то в утешение, пока океан не возвращался.

Какая-то часть ее существа желала присоединиться к ребенку и танцевать на песке, гоняться с ветром и дразнить океан, но Джиллиан оставалась на месте, изучая своего ребенка и недоумевая, где дочка научилась смеяться, петь и танцевать.

Грейс остановилась, подняла что-то с песка и взвизгнула от восторга, показывая матери свою находку.

– Джилли, посмотри! Это морской еж. И даже целый!

Разделяя детскую радость, Джиллиан встретила дочку на полпути и взяла сокровище в руку, ощущая, как солнечное тепло переливалось в ее ладонь.

– Очень красиво, Грейси. – Она провела кончиком пальца по узору панциря. – Посмотри, вот это называется «Белая лилия», посередине – звезда Вифлеема.

– О-о-о! – глаза Грейс расширились. – Как замечательно!

– Говорят, что, если она разобьется, оттуда вылетят пять голубей мира. – Джиллиан, улыбаясь, подбросила морского ежа вверх.

– Правда? – спросила испуганно Грейс. – Но нам не нужно разбивать его, если мы не хотим?

Джиллиан наклонилась убрать со лба девочки пряди белокурых волос.

– Нет, нет, Грейси, никогда.

– Посмотри, что я принесла, мама, – прозвучало у нее в памяти. – Мы с бабушкой нашли их на пляже и сделали ожерелья. – Внезапно оробев, Джиллиан убрала мешочек с ракушками и морскими ежами за спину. – Я сделала тебе ожерелье.

Мать подняла на нее взгляд со стеклянных фигурок животных, с которых она сметала пыль, осторожно положила на место розового лебедя и повернулась к Джиллиан. Она подняла брови и не улыбалась.

– Можно мне на него взглянуть?

Джиллиан сделала неуверенный шаг вперед, доставая мешочек из-за спины.

– Я... я сделала тебе ожерелье. С морским ежом. Меня бабушка научила.

Очень осторожно, зная, что оно очень хрупкое, она извлекла ожерелье, улыбаясь прелестной округлости и белизне морского ежа. Джиллиан долго искала на пляже именно такого.

Слишком поздно она услышала шум рассыпавшегося по чистому полу песка. Она взглянула на мать. Та смотрела не на ожерелье, а на грязь на полу.

У Джиллиан сначала задрожало правое колено, потом левое, потом руки и осип голос. Это всегда еще больше раздражало ее мать.

– Прости, мама. Я не нарочно. Я сама все уберу. Я...

Закончить ей не удалось. Мать выдернула мешочек из ее руки, ожерелье упало. Она слышала, как раскололся морской еж, ударившись об пол, но вниз не взглянула.

Мать указала на рассыпанный на полу, как крошечные слезинки, песок.

– Посмотри, что ты наделала! Посмотри, что ты наделала! И ничего ты не убережешь – ты никогда не убираешь. Ты только разводишь еще большее безобразие. Ты думаешь, я твоя служанка, убирающая за тобой твою грязь. Мне это опротивело. Ты слышишь меня? Опротивело!

Голос матери возвысился, дошел почти что до крика, только еще страшнее. Джиллиан хотела, чтобы папа был дома: мама при нем не была такая.

– Прости, мама. Прости. Мне очень жаль.

– Я тебе покажу, как жаль.

Схватив ее за руку с такой силой, что Джиллиан вскрикнула, мать потащила ее в холл.

– Нет, мама. Нет. Пожалуйста, не надо!

Джиллиан плакала, зная, что от этого только будет хуже, но не могла остановиться. Но она туда не пойдет, она не может. Джиллиан знала, что умрет, если ее снова заставят идти туда.

Свободной рукой мать открыла дверь чулана.

– Вот мы увидим теперь, как тебе жаль.

Джиллиан кричала и вырывалась, пытаясь ухватиться за что-нибудь, но руки ее скользили по крашеному дереву. Мать втолкнула девочку в чулан и заперла дверь. Джиллиан задыхалась от страха в захватившей ее, как пасть чудовища, тьме. Ей казалось, что она видит в этой тьме чьи-то лица и как будто какой-то ветер, которого она не видела и не слышала, обдувал шею и спину.

Она больше не могла кричать и закрыла глаза. Руки девочки были исцарапаны до крови. Она заснула, прислонившись к двери, и видела во сне солнечный свет, танцевавший на океанских волнах.

Маленькая рука коснулась щеки, возвращая ее к действительности.

– Почему ты такая печальная, Джилли?

Джиллиан взяла дочь за руку и держала ее, стараясь обрести голос и пытаясь улыбнуться.

– Я не печальная, Грейси, думаю, я просто устала. – Женщина поднялась, стряхивая песок с колен. – Пойдем, я покажу тебе, где еще можно найти морских ежей, а потом мы сделаем из них ожерелья. Может быть, мы сделаем одно для твоей новой учительницы. – Грейс устремила на мать твердый взгляд, и у Джиллиан снова появилось такое чувство, словно они поменялись ролями. – Ты старушка в душе, Грейси. Может быть, я когда-нибудь объясню тебе, что это значит.

Потянув дочь за руку, Джиллиан повела ее на пляж, где песок встречался с водой и сокровища ожидали, пока их отыщут.

Стук молотка и жужжание пилы наполняли теплый воздух своеобразной музыкой. Для Линка не было более приятных звуков и лучшего запаха, чем аромат свежего дерева. У него руки чесались самому строить, когда он наблюдал за рабочими, закреплявшими балки на крыше. Страсть создавать что-то из ничего, видеть красоту в чем-то созданном своими руками была стержнем его существования, силой, заставившей его осуществить свою мечту и изучить архитектуру.

Это было единственное в жизни, в чем он всегда был уверен, во что он позволял себе верить. И это помогло осуществить другую его мечту – стать обладателем этого дома. Но, глядя на его старые прекрасные линии, он нахмурился. Линк был так близок к осуществлению своей мечты, и все же чувствовал, что еще далек от этого.

Засучив рукава, он взял инструменты и радиоприемник и вошел в дом. Он планировал новую кухню, позволив себе роскошь создать шкафы в своей мастерской, а затем доставить их по воде на место. Он сам их и установит, доведя вишневое дерево до нужного тона, какого были эти шкафы шестнадцать лет назад.

Линк поставил приемник и настроил его на местную станцию. Он изучал развалины кухни, как художник рассматривает чистый холст. Мужчине повезло, что его деловой партнер понимал потребность проводить так много времени на острове. Может быть, все строители – художники в душе, и Джорджу немного стоило разрешить Линку проводить столько времени на объекте, сколько ему было нужно.

Песенка по радио «Девушки Каролины» вызвала у него невольную улыбку. Это напомнило Линку танцы босяком на песке, запах пота, соли, воды и кокосового масла. Он вспомнил девушку с волосами цвета заката и кожей смуглой, как темный мед, от загара. Казалось, что протяни руку, и он сможет к ней прикоснуться.

– Привет, Линк.

Он вздрогнул от неожиданности и, обернувшись, увидел стоявшую в дверном проеме Грейс с облезлым зайцем в руках и с ожерельем из ракушек с большим морским ежом в центре. В лице девочки было что-то особенное: хотя черты лица были маленькие, как у ребенка, ее светло-карие глаза и очертания рта были как у взрослой женщины. Это было в одно и то же время привлекательно и тревожно.

– Привет, Грейс. – Он улыбнулся и присел перед ней на корточки. – Кто это? – указал он на зайчика.

– Это Бан-Бан. Джилли подарила мне его, когда я родилась.

Он посмотрел на поцарапанные пуговицы глаз и потертый мех.

– Сразу видно, что его очень любили.

Девочка взглянула на него блестящими карими глазами.

– Про настоящих людей это трудно сказать, правда?

Озадаченный, Линк погладил ее по голове.

– Да, нелегко. И это нехорошо на самом деле.

Хихикнув, Грейс повернулась, осматривая кухню.

– Я думаю, мы бы глупо выглядели без волос и носов.

Девочка начала напевать песенку, которую услышала по радио.

– Мне нравится эта песня. – Продолжая напевать, она осмотрела его инструменты и шкафы, лежавшие посередине кухни. – Лорен любила танцевать под эту музыку. И она сказала мне, что та вещь, которую ты ищешь, у Джилли.

У него перехватило дыхание:

– Какая вещь?

Грейс пожала плечами и, наклонившись, сдула со стола опилки.

Линк, растерявшись, остановился прямо перед ней.

– Я был бы рад, если бы ты у меня еще погостила, но у меня много работы, и к тому же для маленькой девочки здесь опасно. Тут повсюду провода, острые инструменты и гвозди. – Линк взглянул на розовые ногти на ее ногах, обутых в ярко-красные шлепанцы.

– Тебе не нравится, когда я говорю о Лорен, правда? – сказала Грейс вкрадчивым тоном. – Она мне говорила, что тебе не понравится.

Линк притворился, что не слышал ее слов, и наклонился, чтобы взять ее на руки.

– Я отнесу тебя домой, ладно? Мы же не хотим, чтобы ты наступила на гвозди.

Девочка позволила ему взять себя на руки и, оказавшись глазами на уровне его глаз, сказала:

– Я сделала это для тебя. – Грейс подняла вверх ожерелье из разного вида ракушек.

– Оно прекрасно. Спасибо, – сказал Линк, тронутый и почему-то довольный, и нагнул голову, чтобы Грейс могла его надеть. – Пойдем поищем твою маму.

Линк вынес ее из дома и донес по песку домой.

Джиллиан стояла на заднем дворе, развешивая белье. Когда они зашли за угол, она поднимала что-то большое и белое, готовясь повесить это на веревку. Первое, что Линк заметил, было ожерелье с морским ежом посередине на фоне ее темно-синего летнего платья. Мужчина остановился перед ней, осторожно опустив Грейси на землю.

– Славная бижутерия, – сказала Джиллиан, приподняв ожерелье на шее.

Он улыбнулся и увидел, как выражение ее лица потеплело.

– Да, а я думал, что я единственный обладатель такого.

Джиллиан взглянула на дочь.

– А ты где была? Я думала, ты читаешь у себя наверху.

– Я там и была. А потом я увидела Линка и захотела с ним поздороваться.

Джиллиан посмотрела на дочь, а потом ее взгляд задержался на мужской руке, гладившей девочку по голове. Она уже было открыла рот, чтобы отчитать Грейс, но Линк коснулся ее руки.

– Я уже объяснил ей, что стройка – неподходящее место для маленькой девочки. Я с удовольствием покажу ей все в другой раз, когда там не будет рабочих.

Смягчившись, Джиллиан кивнула. Она улыбнулась и смотрела на него, прищурившись.

– Спасибо, что принес Грейс домой. – Женщина отвернулась, чтобы повесить на веревку что-то еще. Линк опустил руку.

Он не заметил, что Джиллиан снова смотрит на него, так как все его внимание сосредоточилось на развевавшемся на ветру белье за ее спиной. Глаза Линка слегка расширились, когда он попытался понять, что это было такое.

Джиллиан обернулась и увидела, что он смотрит на ее белье для беременных, похожее на огромный белый парус.

– А, это, – сказала она, снова повернувшись к Линку. – Ты, вероятно, подумал, что это рубашки, а на самом деле это паруса. Я собираюсь открыть парусный магазин.

На мгновение лицо ее напомнило ему девушку, которую он знал, с живой улыбкой, остренькими словечками и глазами, в которых всегда что-то скрывалось. У Линка возникло ощущение, как будто он снова дома, и ему стало неловко. Он не возвращался домой. Он начинал жизнь сначала.

Грейс захихикала, когда Джиллиан стала доставать из бельевой корзины и развешивать банные полотенца и самый огромный лифчик, какой он когда-либо видел. Сообразив, что держит в руках, Джиллиан уронила его и взялась за другое белье.

Она углубилась в свое занятие. Ветер играл ее темно-каштановыми волосами.

– Я испекла лимонные полоски. Может, ты хочешь одну?

Он едва-едва удержался, чтобы не сказать да.

– Нет, спасибо. Мне нужно вернуться к работе.

Джиллиан пристально на него посмотрела.

– Знаешь, ведь ты не можешь постоянно меня избегать. – Она подобрала пустую бельевую корзину. – Пойдем на кухню. Я дам тебе холодного чая и пару полосок. Будешь хорошо себя вести, я даже дам тебе еще несколько штук с собой.

Не дожидаясь его ответа, Джиллиан пошла через двор к черному ходу, балансируя корзиной на бедре и двигаясь относительно быстро, несмотря на беременность. Видя, что выбора у него нет, Линк последовал за ней, а за ним и Грейс.

– Звонил твой папа, – сказала она дочери. – Он оставил сообщение. Ты должна позвонить ему завтра утром, потому что в Сингапуре сейчас уже полночь.

Грейс покружилась, прежде чем остановиться перед матерью.

– Ты не должна позволять ему говорить с автоответчиком, Джилли, когда ты дома.

Джиллиан покраснела и, избегая встречаться глазами с Линком, подняла корзину повыше и пошла дальше.

– Рик в командировке в Сингапуре от своей юридической фирмы. Бывший муж звонит каждый день, чтобы поговорить с Грейс. Я не вижу необходимости беседовать с ним.

Линк не видел необходимости спрашивать ее почему. Он молча шел за ней к дому.

Когда они вошли в кухню, Джиллиан дала Грейс тарелку с полосками и отправила девочку смотреть телевизор. Потом она поставила на стол две тарелки и два стакана холодного чая и жестом пригласила Линка сесть. Джиллиан выглядела трогательно, сидя за кухонным столом, с перепачканным сахарной пудрой подбородком и талией, выходящей за пределы стула.

Они одновременно взглянули на сахарницу на полке. Она сделала движение, чтобы встать и взять ее, но Линк опередил.

– Ты сиди. Я достану. – Он подвинул к ней стул. – Вот. Тебе, наверное, лучше выше держать ноги.

Джиллиан сделала гримасу.

– Может быть, я сейчас и похожа на яйцо, но обещаю тебе, что я не разобьюсь. – Однако, несмотря на свои возражения, сделала так, как он просил.

Линк поставил сахарницу и положил перед ней чистую чайную ложку. Наклонившись, он вытер салфеткой сахарную пудру с ее подбородка, а потом откусил кусок самой лучшей лимонной полоски, какую он когда-либо в жизни пробовал.

– Спасибо, – сказала Джиллиан. Она оперлась на локти. – Я слышала у тебя музыку. Это напомнило мне, как Лорен учила нас танцевать на пляже. Ты помнишь?

Полоска, которую мужчина запивал холодным чаем, таяла у него на языке.

– Да. Я танцевал неплохо, а ты отвратительно.

Она рассмеялась, откинув голову на спинку стула.

– Ну не надо врать, Линк.

Невольная улыбка промелькнула у него на лице.

– Было такое впечатление, что у тебя три ноги и ты вот-вот свалишься.

– Осторожнее! – сказала Джиллиан, улыбаясь. – Ты можешь задеть мои чувства. – Она откусила кусок полоски и задумчиво жевала его, прежде чем проглотить. – Но Лорен танцевала прекрасно. Она удивительно двигалась. Казалось, что у нее музыка внутри.

Испытывая неловкость, Линк откусил еще кусок и отвернулся, изучая звездную карту. Надо же, после всех этих лет Джиллиан все еще ищет новую звезду, не имея и одного шанса на миллион ее найти. Линк смотрел на округлившиеся щеки, серьезные глаза и удивлялся, откуда у нее такая безграничная вера. Его это восхищало, но будь он проклят, если он в этом признается. У Линка не было союзников, а она шестнадцать лет назад явно доказала, что находится в лагере его врагов.

Голос ее звучал мягко.

– Знаешь, мы можем, конечно, ходить вокруг и около, или мы можем сразу заговорить о Лорен. Но в любом случае нам нужно поговорить.

Линк встал, стряхивая с пальцев сахарную пудру.

– Что же, давай. Ты задобрила меня угощением, и я полагаю, мне следует быть готовым. Я любил Лорен, она исчезла, и все, включая твоего отца, родителей Лорен и начальника полиции, думали, что я ее убил, и очень старались это доказать, несмотря на то что тела не нашли и никаких доказательств не было. Мне позволили уехать, что я и сделал. Вот, собственно говоря, и всё.

Джиллиан с усилием поднялась и отнесла тарелки в мойку.

– Не совсем, Линк. Ты бы никогда сюда не вернулся, будь это конец истории. – Она вымыла тарелки и завернула кран. – Ты мне сказал на днях вечером, что дом там, где живут привидения, – сказала она, не поворачиваясь. – Может быть, ты и прав. А может быть, мы оба здесь, потому что они просили нас вернуться. Может быть, все еще не кончено.

Джиллиан медленно повернулась, в глазах ее была тревога.

Линк подошел к ней так близко, что чувствовал аромат океанского ветра в ее волосах, и поставил в мойку свой пустой стакан.

– Может быть, ты и права, – сказал он спокойно.

Линк еще долгое мгновение простоял так, почему-то не желая отойти. Потом большим усилием он заставил себя отойти и широкими шагами направился к двери.

– Мне надо вернуться к работе. Спасибо за полоски.

Линк шел по песку, когда его догнала Грейс. В руках девочка с трудом держала завернутую в целлофан тарелку.

– Джилли хочет, чтобы ты это взял.

Он невольно улыбнулся ей в ответ.

– Спасибо, они очень вкусные.

Грейс стояла перед ним, раскачиваясь и заложив руки за спину.

– Это ожерелье на тебе хорошо смотрится.

Линк взглянул туда, где лежало ожерелье с морским ежом.

– Ну еще бы.

– Ты не снимешь его весь день?

– Разумеется. Это мое любимое ожерелье. Я и не подумаю его снимать.

– Если оно будет тебе мешать, засунь его под рубашку.

– Я так и сделаю.

Девочка помахала ему, собираясь уйти, и вдруг остановилась.

– Ты должен попросить Джилли показать тебе эту вещь.

– Какую вещь?

– Ту, о которой говорила Лорен. Помнишь? Я же тебе уже рассказывала.

Не дожидаясь ответа, девочка снова помахала и побежала по песку к своему дому.

Линк стоял, глядя ей вслед, с тарелкой лимонных полосок в слегка дрожащих руках. Почему живое воображение маленькой девочки так его волнует? И почему ее слова звучат так убедительно? Стараясь прояснить свои мысли, он медленно пошел к своему дому.

Поставив тарелку рядом с радиоприемником, Линк включил его и снова принялся за работу, слушая музыку и стараясь не вспоминать ощущение теплого стройного тела в его объятиях во время танца на песке и серьезные карие глаза привидения из его прошлого. Это было весьма живое привидение, которое, казалось, сумело преодолеть его защитную реакцию своими сладостными приношениями. Если бы она только не была так измучена. Если бы она не была такая хрупкая. Если бы только ему все это было безразлично.

Линк выключил радио, предпочитая сейчас молчание, и склонился над работой, позволив рукам творить и временно изгнать из сознания прошлое, которое лучше было бы оставить похороненным.

Глава 7

В рассветном сумраке Джиллиан села в постели, не вполне сознавая, что именно ее разбудило, и окинула комнату взглядом, задержавшись на прикроватном столике. Пошарив на нем рукой, она ухватила пальцами за то, что там искала, и, прислонившись к изголовью, стала смотреть на гладкую деревянную коробочку с красиво вырезанными на крышке двумя «Л».

Затем медленно открыла коробку и достала сильно измятую бумагу, не разворачивая ее, а только разглаживая пальцами. Голоса из прошлого заговорили с ней громче, как будто коробка была передатчиком из глубин ее памяти.

Дверь слегка скрипнула, и Джиллиан, вздрогнув, подняла взгляд. Спот с великолепным кошачьим высокомерием вошел в спальню и, остановившись на мгновение, вспрыгнул на кровать. Свернувшись и став похожим на черный клубок кошачьей шерсти, он мяукнул, как бы давая Джиллиан ощутить его величие, а затем устался на хозяйку и на коробку.

Она почувствовала прохладное дуновение у себя на шее и оглянулась посмотреть, не направлен ли на нее кондиционер, не сразу вспомнив, что в доме кондиционеров не было. Джиллиан снова взглянула на Спота, тот пристально наблюдал за чем-то посередине комнаты. Голова животного чуть заметно двигалась, как будто он следил за движениями невидимки, медленно направляющегося по ковру к двери. Дверь снова скрипнула, и Спот, резко повернувшись, посмотрел на Джиллиан. Шерсть у него стояла дыбом.

Грейси.

Джиллиан, бросив коробку на постель, вскочила и со всей скоростью, на какую была способна, поспешила в комнату Грейс. Она миновала холл, где, бросая вызов утренней мгле, все еще горел свет.

Она остановилась, опустив руку на ручку полуоткрытой двери в спальню Грейс. Сердце бешено колотилось в груди. Грейс разговаривала, и ее детский голосок, негромкий, но оживленный, звучал так, словно она вела беседу с близкой подругой.

Джиллиан открыла пошире дверь, и разговор прекратился. Она вошла внутрь и убедилась, что комната пуста. Мать обратилась к дочке, удивившись тому, как спокойно звучал ее голос:

– С кем ты говорила, моя милая?

Спот, вошедший в комнату вслед за Джиллиан, остановился и не тронулся с места, даже когда Грейс приветливо похлопала по кровати рукой.

Джиллиан, прикусив нижнюю губу, посмотрела на кота и снова заметила, что тот будто следит за кем-то находящимся на краю постели Грейс.

– С кем ты говорила? – спросила она более твердым голосом.

Грейс бросила беглый взгляд на край своей постели и поглубже зарылась в одеяло.

– Ни с кем, – спокойно, но не очень убедительно сказала она.

Джиллиан снова посмотрела на Спота, вскинувшего голову, словно наблюдающего за кем-то намного выше себя. Вдруг кот беззвучно повернулся и выбежал из комнаты. Именно в этот момент Джиллиан почувствовала, как холодно было в комнате, и вновь подумала о кондиционерах, которых в доме не было. Джиллиан заметила, как вздыбился каждый волосок на ее руке. В это же время она услышала слова Грейс:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.